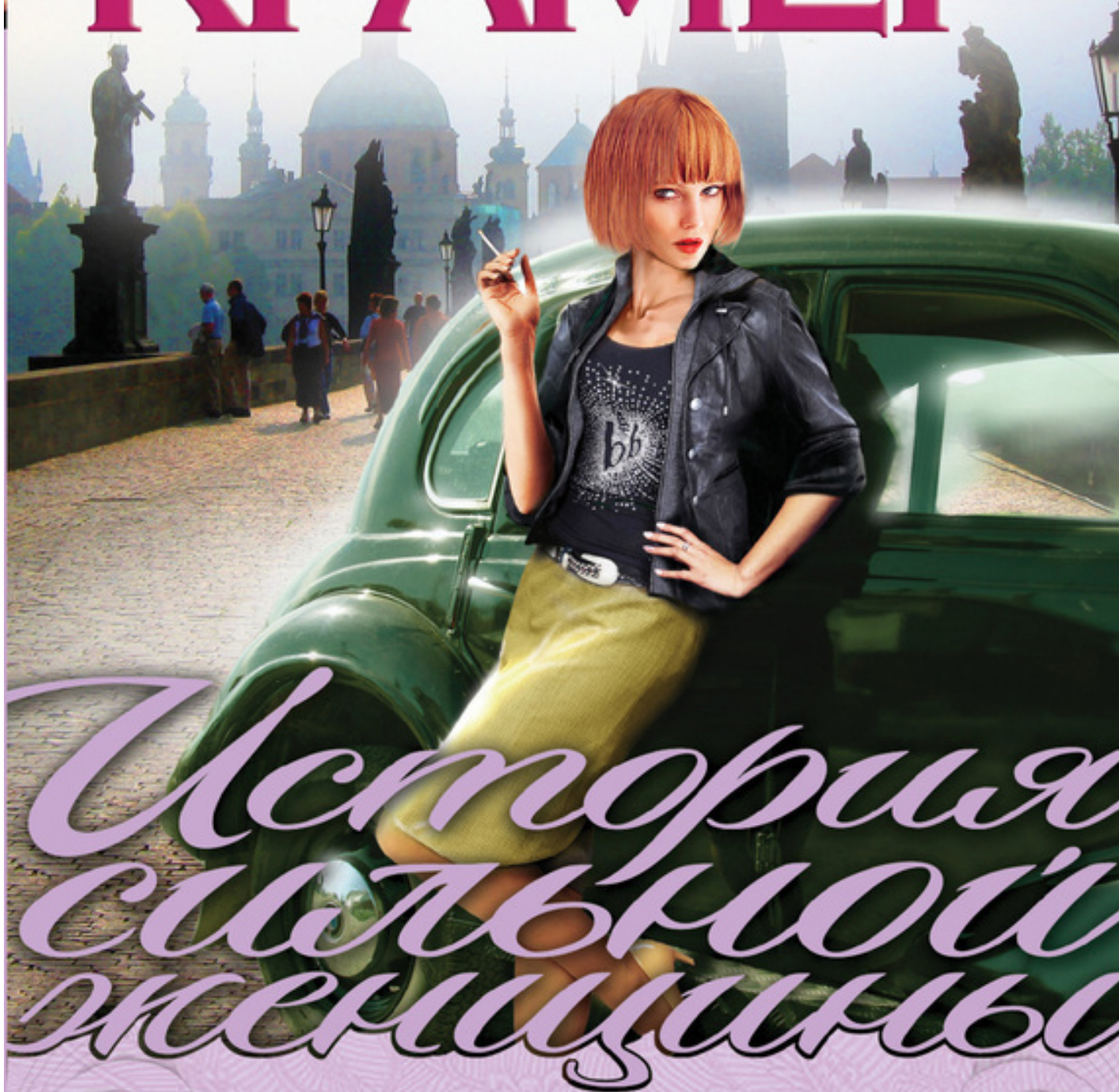

Марина
КРАМЕР

ЖИТЬ НА СВЕТЕ СТОИТ

КРИМИНАЛЬНАЯ
Мелодрама

История сильной женщины

Марина Крамер

Жить на свете стоит

«ЭКСМО»

2013

Крамер М.

Жить на свете стоит / М. Крамер — «Эксмо», 2013 — (История сильной женщины)

Журналистка Вероника Стахова всегда мечтала жить в Праге, но пока приходится ютиться в съемной квартире в Москве. Правда, с работой повезло! Ей выпал шанс взять интервью у владельца холдинга «Изумрудный город» Максима Гавриленко. Проигнорировав нелюбезные слухи, Вероника в своей статье описала лишь положительный облик олигарха. Однако после «редактирования» руководством газеты она просто не узнает текст, от первоначального варианта остались разве что запятые. Следом за публикацией, написанной главным редактором, но подписанной, как ни странно, Вероникой Стаховой, девушка получает анонимные письма с угрозами... Через пару недель в ее квартире происходит взрыв бытового газа. А Вероника попадает в Чехию на очередное randevu с Максимом. Теперь на вопросы предстоит отвечать уже ей самой...

© Крамер М., 2013

© Эксмо, 2013

Марина Крамер

Жить на свете стоит

– Она нам мешает, эта девка.

– И что ты предлагаешь?

– Нужно как-то ее убрать.

– Ты только одно и можешь – головы сворачивать.

– Постой, я же не об этом! Убрать молодую женщину – для этого существует масса иных способов.

– Не тронь ее.

– Но...

– Я сказал – не тронь! Напугать, пригрозить – можешь, но физически она пострадать не должна, понял? Крестничек не из тех, кто подобное спустит, я-то знаю. Поэтому прошу по-хорошему – не трогай. Иначе пожалеешь.

Хлопнула дверь, печально зазвенели закрепленные над ней колокольчики. Шаги стихли, но их эхо еще долго звучало в ушах.

– Слушай, Ника, заданье – закачаешься!

Вероника Стахова, или для своих просто Ника, крупная рыжеволосая девушка лет двадцати семи, лениво оторвала взор от экрана монитора и перевела его на облокотившуюся о ее стол секретаршу главреда Дину.

– На тему? – чуть охрипшим после недавней ангины голосом поинтересовалась она, и Дина, смешно шепелявя и слегка даже задыхаясь от распивавших ее новостей, заговорила:

– Случайно услышала, как Артем по телефону с кем-то разговаривал и сказал, что пришлет свою лучшую журналистку. А пришлет он тебя... прямоком в офис «Изумрудного города», прикинь?! К самому Гавриленко! – В этом месте Дина мечтательно закатила карие глаза, умело обведенные черным карандашом, и, кажется, даже перестала дышать.

Максим Гавриленко был самым молодым и, пожалуй, самым известным московским холостяком, за которым охотились девицы всех рангов и статусов. Он еще не перешагнул сорокапятiletний рубеж, но состояние его уже оценивалось девятизначными цифрами в твердой валюте, а о его строительных проектах то и дело писали и снимали передачи. За право взять интервью у Гавриленко боролись самые крупные издания, а потому получалось, что «Столичный хронограф» удостоился поистине царской милости. Не говоря уже о том, что сама Ника Стахова была командирована практически к монаршей особе.

– Ну, это все бла-бла, – поморщилась Стахова, вытягивая сигарету из пачки, – ты суть-то расскажи, я ее не уловила за поросычьими восторгами по поводу персоны Гавриленко.

Дина обижено хмыкнула:

– Ты, Стахова, совсем... надо, между прочим, и за материалами конкурентов следить хотя бы для приличия. Неделю назад по поводу строительства торгового центра на месте исторического здания трубили все кому не лень.

– И что? – стряхнув пепел в морскую раковину, служившую пепельницей, поинтересовалась Ника.

Дина повертела у виска пальцем:

– Ну ты, Стахова, совсем спятила... Это же Гавриленко проект! Ты только подумай, какие туда деньги вбуханы, чтобы получить разрешение на снос исторического объекта в центре Москвы!

– Я вот чего не понимаю, – лениво потягиваясь, проговорила Ника, – с чего вдруг наш главный вспылал таким интересом к этому делу? Мало сносят исторических зданий по всему

городу? С чего интерес конкретно к этому? Поди не особняк князей Масленниковых, не родовое гнездо Артема.

– Ну что ты язвись постоянно? Может, у Артема какие-то свои соображения на этот счет, – обиделась за шефа Дина, – ты вот пойдешь к нему и сама узнаешь.

– Вызовет – пойду. Чего вперед пинка лететь?

Ника потушила окурок и снова уткнулась в монитор, давая понять, что разговор окончен. Дина обиженно фыркнула и зацокала каблучками в сторону выхода.

Однако вызова от главного редактора Ника так и не дождалась. То ли Артему было некогда, то ли задание оказалось не столь уж важным, но так или иначе в девятом часу, закончив статью, Ника выключила компьютер и покинула здание.

Каждое ее утро было похоже на предыдущее. Подъем в восемь – благо работа не требовала обязательного появления к девяти, пара упражнений – вот уже несколько лет Ника старалась поддерживать себя в форме и не давать организму расслабиться и вернуть с таким трудом сброшенные килограммы. Прохладный душ, завтрак по советам знаменитой Тайры Бэнкс – яичница, пара ржаных тостов, свежесжатый сок, и – к станку часа на полтора. Проверка почты, беглый просмотр любимых сайтов, на свежую голову прочитать то, что нарабатывала вчера... В одиннадцать, потянувшись и размяв затекшие плечи, начать собираться.

Квартиру Ника выбрала с таким расчетом, чтобы не тратить время на дорогу до работы. Да, переплачивала за аренду, конечно, но зато нет нужды спускаться в метро и трястись в вагоне в окружении отнюдь не дружелюбных с утра сограждан, нет нужды торчать в километровых пробках. А так – сунула ноги в обувь по сезону, накинула куртку-пальто-ветровку – и вперед. Пять минут наискосок от подъезда – и вот она, родная редакция. Вахтер дядя Саша улыбается из своей будки, бросая беглый взгляд на пропуск, два лестничных пролета вверх, третья дверь справа – ее кабинет. Ну, не совсем ее – Ника делит его еще с пятью журналистами, зато у нее самый удобный уголок – у окна.

Поприветствовав коллег, Ника бросила сумку на заваленный какими-то папками подоконник и привычным жестом включила компьютер. На заставке возникла картинка – написанный масляными красками Карлов мост. Это была детская мечта Стаховой – побывать там, в Праге, пройтись по этому самому мосту, подышать пражским воздухом, ощутить себя в другом мире. Но пока мечта эта оставалась недостижимой и несбыточной. «Ну и ладно, – всякий раз, включая компьютер, думала Ника. – Придет время, и я обязательно съезжу туда».

Работа в еженедельнике «Столичный хроникер» оказалась для Ники удачным стартом. Попала она сюда случайно, по рекомендации приятеля, хорошего знакомого главреда Артема Масленникова. Ника как раз перебралась в Москву и немного растерялась в огромном городе. Изначально ее пригласили после выигранного конкурса в одно издание с явно «бульварным» уклоном, но зато приличными тиражами, пообещали на первых порах не особенно большую, но для начинающего журналиста вполне приличную зарплату. Однако через два месяца оказалось, что на Никино место претендует дочка одного из основных рекламодателей, а потому Стахову попросили «очистить стол». Ника оказалась в буквальном смысле на улице, совершенно не представляя, чем через месяц сможет заплатить за квартиру. Деньги, привезенные из дома, заканчивались, и Стахова немного приуныла. Возвращаться она не собиралась – из родного города уехала с громким заявлением о том, что непременно станет «звездой» отечественной журналистики. А проигрывать Ника не любила с детства. Все, за что она бралась, непременно должно было принести ей победу – будь то банальный «снежный бой» с мальчишками, беговая дистанция на уроке физкультуры или олимпиада по литературе. Начитанная, прекрасно владеющая тремя языками, имеющая разряд по теннису и плаванию, Ника Стахова не признавала иного места, кроме первого. Именно проиграв на юношеской спартакиаде по плаванию, уступив всего несколько сотых долей секунды своей сопернице, Ника заявила тре-

неру, что прекращает занятия. Тренер только вздохнула с сожалением – хорошо знала характер Стаховой. Это было практически в детстве, в четырнадцать лет, но с тех пор мало что изменилось. И чтобы теперь вернуться из Москвы, поджав хвост? Ну нет, этого самолюбивая Ника совершенно не могла допустить.

«В конце концов, – рассуждала она, сидя за столиком «Шоколадницы» и рассеянно помешивая соломинкой латте в высоком бокале, – а что, собственно, произошло? Деньги пока есть, за квартиру платить нужно только через месяц – а это уйма времени, мало ли что может произойти! Надо всегда надеяться на лучшее и не опускать руки. Не то действительно утонешь, как та лягушка в крынке с молоком».

Выступить в роли несчастного земноводного Ника Стахова не планировала. Имелся у нее запасной аэродром в виде родного отца, много лет не жившего с ними, зато занимавшего очень высокий пост в одном из московских банков. Но этот вариант Ника оставляла на совсем уж крайний случай. Связь с отцом она поддерживала – родители сумели при разводе сохранить человеческие лица и не заниматься перетягиванием дочери из стороны в сторону. Именно поэтому Ника имела возможность общаться с отцом ровно столько, сколько позволяли его плотный рабочий график и новая семья. Однако это общение было скорее формальным – раз в неделю, чаще по понедельникам, отец звонил и интересовался делами. Но очень скоро Ника поняла, что делает он это больше для галочки, и на самом деле ее новости Геннадия Васильевича не особенно интересуют. Закралась обида. А потом и вовсе выяснилось, что свою приемную дочь он считает родной, помогает ей материально и называет наследницей, хотя имеет кроме Ники еще и сына от второго брака – маленького Мишку. Вероника пару раз бывала в доме отца, встречалась с его новой женой Майей – красивой, активной женщиной, работавшей в том же банке, что и отец. Майя не выказывала недовольства визитами Ники, но и особого восторга и гостеприимства тоже не проявляла, поэтому Стахова ограничила свое общение с отцом телефонными разговорами. Но глубоко внутри ржавым гвоздем царапалась обида – приемную дочь Лизу Геннадий Васильевич любил как родную, а ее, Нику, просто терпел. В такой ситуации обращаться к нему Стахова не особенно хотела, но не исключала, что если станет совсем туго, то придется наступить на свою гордость. А этого не хотелось...

И вот тут, как говорится в старинных романах, судьба послала вестника.

– Стахова? Ника? – раздался за спиной мужской голос, и Ника обернулась. Прямо за ней стоял высокий худощавый парень в длинной черной куртке, серых джинсах и ослепительно-белых для московской ноябрьской слякоти кроссовках. Она узнала его мгновенно – ну, еще бы, как можно забыть свой самый первый студенческий роман! Игорь Яблоков, ее однокурсник и первая любовь...

– Никуся! Как я рад видеть тебя! – продолжал Яблоков, словно не замечая Никиного растерянного лица. Он тут же скинул куртку на ближайшую вешалку, уселся за стол и махнул официанту, прося меню. – Ты какими судьбами в «нерезиновую»?

Игорь вел себя так, словно это не Ника бросила его на третьем курсе, увлекшись ярким и слегка хлыщеватым преподавателем английского, словно не Ника прекратила всякое общение с ним. Стахова не могла оправиться от шока и подобрать нужные слова, даже ответить на простой вопрос ей вдруг показалось трудным. Как будто Ника устыдилась себя той – из прошлого.

– Ну, что же ты молчишь, Никуся? – ласково глядя на девушку, спросил Игорь.

– Ты как с неба свалился, не ожидала тебя вот так встретить... тут, – пробормотала Стахова, отодвигая от себя полупустой бокал, – я растерялась, извини.

– Ну, так собирайся, – подмигнул Яблоков и повернулся к официанту: – Даме повторите латте, а мне капучино без корицы, яблочный фреш и «Прагу». Никуся, ты не хочешь сладенького? Тут изумительная «Прага».

– Ты забыл, что я не ем сладкого, – улынулась уже пришедшая в себя Стахова.

– О, прости, действительно забыл, время, время... Зато я не забыл, что ты очень талантливая журналистка, Никуся. Работаешь здесь?

– Уже нет, – призналась Ника, которой не особенно хотелось рассказывать о том, как глупо она оказалась «на улице».

– Слушай, а хочешь, я тебя познакомлю с приятелем, а? – предложил Яблоков как бы между прочим, на секунду зависнув с занесенной над пирожным ложечкой.

– Ты теперь сводник, Игорек? – легким тоном поинтересовалась Ника, забирая у официанта новую порцию латте.

– Нет, дорогая, я по-прежнему журналист. И работаю, кстати, в крупной газете. – И тут Яблоков назвал издание, о котором слышали, по Никиному представлению, даже глухие. Она даже присвистнула тихонько:

– Ни фига себе... высоко взлетел, Игорек...

– Ну, не жалуюсь, да, – самодовольно ухмыльнулся Яблоков, – так что – будем с приятелем знакомиться? Он тебе работу может организовать. Ну, сперва посидишь на испытательном сроке какое-то время, а если Теме понравится, то дальше все в твоих руках. И заработки, и имя, и карьера.

Ника в смятении молчала. То, что предлагал Игорь, казалось нереальной сказкой, удачей, а потому в это мало верилось. С чего бы Яблокову стремиться помогать ей? Она так отвратительно вела себя с ним, когда закрутила роман с Кириллом, так зло подтрунивала над влюбленным Игорем и так унижала его, что ему впору бы желать ей проказы и огромных бородавок на лице. А тут – такое предложение, да еще в самый нужный момент... Ника, по обыкновению, начала искать подвох:

– Это что же – какой-нибудь бульварный листок со статьями в стиле «две звезды замечены в кровати»?

Яблоков фыркнул и отхлебнул фреш из стакана:

– Ну и фантазии у тебя, Стахова! Думаешь, только в таких местах хорошие журналисты требуются? Мой приятель – главный редактор одного не очень крупного, но зато весьма популярного в определенных кругах издания. Специализируется на строительстве, недвижимости и всем, что с этим связано. Журналисты у него за границу ездят, как ты к маме в нашу Тьмутаракань.

– Откуда ты знаешь, с какой периодичностью я к маме езжу? – недовольным тоном поинтересовалась Ника.

– Это гипербола, – хохотнул Игорь, примирительно касаясь Никиной руки пальцами, – не злись, Никуся! Это все к тому, что, если ты Артему понравится, да-а-леко можешь пойти.

– Я не пойму, за кого ты сейчас хлопочешь, Игорек, – не удержалась Ника, привыкшая уже в любом предложении подозревать скрытый смысл.

Яблоков внимательно посмотрел на нее:

– Ника, ты сама-то чего хочешь?

– Работы. Нормальной работы, Игорь, не «желтухи» этой затрапезной, не грязного белья и ароматных скандалчиков, а нормальной, честной журналистики – с аналитикой, с проверенными фактами, без вранья.

– Ну так и хватайся за мое предложение. Артем как раз такой – у него серьезное издание.

Ника вдруг решила – а что, собственно, терять? И уж если Игорь так удачно оказался в этом кафе, то почему не воспользоваться его предложением?

Именно с легкой руки Яблокова она через неделю уже сидела за этим самым столом у окна и быстро набирала свою первую заметку в «Столичный хроникер».

Через пять лет Вероника Стахова уже считалась маститым и довольно известным в кругах строительной элиты журналистом.

Никто не знал, с каким трудом ей давались первые заметки, как тяжело она добывала и систематизировала знания в абсолютно новой для себя отрасли, как не спала ночами, штудировав различные сайты о строительстве. Но результат оказался прекрасным – гонорары поползли вверх, и теперь Ника уже могла позволить себе и квартиру рядом с работой, и одежду из приличных магазинов, и салоны красоты, и даже ярко-красный «Мини-Купер». Правда, с покупкой последнего помог отец, внезапно расщедрившийся и предложивший дочери ощутимую сумму денег.

Яркая, заметная Ника не была красавицей в общепринятом смысле, но природное обаяние, умение подать себя и открытый взгляд делали ее очень привлекательной. За Стаховой постоянно волочились два-три поклонника-ухажера, но место в ее душе было прочно занято Артемом Масленниковым. Их сближение произошло как-то незаметно, Ника со своей стороны вообще никаких усилий к этому не приложила – Артем был женат, хоть и не жил с супругой. Но для Стаховой женатые мужчины не существовали. Масленникову пришлось изрядно постараться, чтобы переубедить ее. Определяющим для Ники стало то, что Артем оказался *порядочным* по ее шкале человеком. Разъехавшись с женой, он не оставлял без внимания семилетнюю дочь Алису и даже фотографию девочки держал в рабочем кабинете на видном месте. Ника ничего не имела против этой белокурой – видимо, в мать – вертлявой непоседы, с которой Артем познакомил ее в самом начале отношений. Алисе понравилась приятельница отца, а Ника с удовольствием наблюдала за отношениями Артема с дочерью. Иногда они втроем выезжали куда-нибудь в Подмоскowie – катались на санках, играли в снежки или жарили шашлыки на небольшой площадке перед загородным домом Артема. Этот дом достался ему от отца – известного в свое время писателя, трагически погибшего в авиакатастрофе. Артем даже хотел продать дом, чтобы не будить воспоминаний, однако потом передумал, и теперь у них с Никой было вполне приличное летнее жилье, куда они сбегали из душной, раскаленной Москвы каждую пятницу.

Ника чувствовала к Артему удивительную привязанность. Она не была влюблена в него, но всякий раз, оказываясь рядом с ним, ощущала какой-то покой и уверенность. Артем, спокойный и уравновешенный, одним своим присутствием заставлял Нику расслабиться и выкинуть из головы любые мрачные мысли. Как ни странно, но в первые несколько месяцев между ними вообще не было никакой физической близости. Они ходили в театр, просто гуляли по улицам, сидели на скамейках в парках, разговаривали, узнавая друг друга с каждым днем все лучше. Артем не торопил события, а Ника проникалась к нему уважением – раньше ее кавалеры не отличались подобной выдержкой и предлагали закончить первое же свидание в постели. Стахова была очень разборчива в этом смысле, более того – брезглива, и потому огромное количество ее свиданий оканчивались ничем. Масленников же, будучи старше и опытнее, сумел как-то распознать в ней это, почувствовать, не настаивать на своем, и потому их окончательное сближение стало для Ники естественным и логичным.

Иногда, лежа в постели ночью, Ника думала, что вполне счастлива. Есть работа, уже есть имя, есть человек, рядом с которым ей хорошо. Да, Масленников не звал ее замуж, не предлагал даже совместное проживание, но Ника порой ловила себя на мысли о том, что ей и самой это не нужно. Она была независимой, часто нуждалась в полном одиночестве, которое не нарушал бы никто, даже Артем. А уж когда Ника работала над очередной статьей, так это вообще напоминало последствия цунами. Квартира превращалась в бедлам, в мойке высились горы из кофейных чашек, пепельницы во всех комнатах наполнялись окурками – Ника любила обдумывать фразы, разгуливая туда-сюда. Сложно было представить педантичного и маниакально аккуратного Артема среди всей этой «прелести». Возможно, именно поэтому Ника и не стремилась к каким-то иным отношениям – не хотела терять свободу и менять привычный образ жизни.

Стахова сидела в кресле перед столом главреда, покачивала ногой и терпеливо ждала, пока Артем закончит телефонный разговор. Ожидание затягивалось – по лицу Масленникова она видела, что тот недоволен, но положить трубку не может. «Интересно, с кем это он? – думала Ника, стараясь по фразам определить возможного собеседника. – И снова звучит это название – «Изумрудный город»... Видимо, кто-то из Теминых информаторов...» Ника знала, что Артем платит неким людям за то, что они предоставляют ему кое-какую информацию по интересующим его фирмам и сделкам, и это позволяло «Столичному хроникеру» оперативнее других освещать события.

– Уф! – Масленников положил трубку и потянулся к кофейной чашке. Неловкое движение – и вот уже на полу осколки и коричневая лужица. – Дина! Дина, будь добра, зайди ко мне!

Ника с удивлением отметила, что Артем крайне раздражен и кричит по интеркому на секретаршу, чего никогда себе не позволял. Вбежала не менее удивленная Дина, вопросительно глянула на Нику, но та только плечами пожала и указала на разбитую чашку. Артем же, отойдя к окну, распахнул его настежь и стоял теперь, ухватившись пальцами за створки. В кабинете сразу ощутимо похолодало. Дина, присев, собирала осколки чашки, промокала тряпкой пол, и Ника почему-то подумала, что в ее обязанности вряд ли входит уборка кабинета. Могла бы и уборщицу прислать...

– Сварить вам новый кофе, Артем Сергеевич? – закончив, спросила Дина, и Артем, не оборачиваясь, бросил:

– Да, пожалуйста.

Дина вышла, плотно затворив за собой дверь. Ника продолжала наблюдать за странным поведением любовника, которого прежде не видела в таком раздражении.

– Что-то случилось? – решила она, бросив осторожный взгляд на часы и поняв, что через двадцать минут надо сдать статью начальнику отдела, а из написанного у нее – только заголовок.

– Что? – Артем повернулся с таким видом, будто вообще ничего не произошло. – Ты о чем?

– Я-то? Да так... – протянула Стахова, поняв, что Артем не расскажет ей ни о разговоре, ни о причинах, приведших его в такое странное и нехарактерное для него состояние. – Ты что-то мне хотел сказать? Зачем вызвал?

– А-а... Да-да, вызвал...

Масленников вернулся за стол, начал переключать какие-то бумаги, поправил стакан с карандашами, сдвинул в сторону фотографию дочери, потом вернул на место. Ника не понимала, что происходит. Уравновешенный и спокойный Артем вдруг на глазах сделался параноиком с суетливыми пальцами, и это производило крайне неприятное впечатление. «Э-э, дружок, а ведь я не все о тебе знаю, – подумала она. – Оказывается, ты из себя выходишь довольно легко, а вот в руки себя взять можешь потом с большим трудом».

– Вызывал, вызывал... – пробормотал Масленников и, сцепив пальцы в замок, продолжил: – Никуся, как ты смотришь на предложение сделать большое интервью с Гавриленко?

Ника пожала плечами:

– Если тебе оно нужно, то сделаю.

Артем уставился на нее:

– То есть? Просто вот так – «если нужно, то сделаю»?

– А что я должна была сказать? Что безмерно рада свалившемуся счастью? Что от восторга у меня в джинсах мокро?

– Фу, Никуся, – поморщился Артем, – к чему такие грубости?

– Я не понимаю, какой реакции ты ждал, – спокойно отозвалась Ника, – и вообще, почему я должна как-то по-особому отнестись именно к этому интервью? Только потому, что объект – страшно сказать – сам Гавриленко? Так ты бы должен знать, что меня эти вещи мало инте-

ресуют, и в сказки о современных Золушках я не верю. И вообще... а почему, собственно, именно я? Почему, скажем, не Лева Качин?

Лев Качин, или Левушка, как его называли в редакции, по праву считался мастером «раздевающих» интервью. Он умел так влезть в душу собеседнику, что тот невольно расслаблялся под невинным взглядом карих Левушкиных глаз и начинал болтать лишнее. Разумеется, это самое «лишнее» Качин потом и использовал в интервью, снискав себе славу острого на язык и совершенно безжалостного интервьюера. Масленников, правда, не особенно жаловал манеру Качина работать, но в некоторых ситуациях именно Левушкины интервью делали рейтинг. Так что своим вопросом Ника попала в точку: почему главред не отдал олигарха Гавриленко Качину, способному разговорить даже карандаши в стакане и выудить из них компромат на то дерево, что являлось их родителем, а отправляет ее, Нику? Она не умела подлавливать на слабостях – это было противно и мерзко, не умела выворачивать факты и перевирать слова. Она могла только честно и беспристрастно рассказать о том, что видела и слышала, опираясь на факты. Ника не позволяла себе в статьях много собственного «я» – все-таки она не должна навязывать мнение, ее задача – дать людям пищу для размышлений, а выводы пусть сами делают. И сейчас она не понимала, какую цель преследует Артем, отправляя ее к Гавриленко, не могла предугадать, какой направленности должно быть интервью, что именно хочет выдать на-гора Масленников в итоге. А без понимания цели работать Ника не хотела.

– Ты мне скажи, Тема, а что конкретно ты хочешь? – проигнорировав тот факт, что предыдущий вопрос остался без ответа, спросила Ника.

– Я хочу интервью с Максимом Гавриленко, мне казалось, что я сразу это озвучил.

– Нет, понятно. Но – что конкретно? Гавриленко – зайка ути-пуси, Гавриленко – ай-ай-ай, какая бяка, Гавриленко ест по ночам младенцев, Гавриленко переводит бабулек через дорогу? Что конкретно, а? – Ника наконец позволила себе закурить сигарету – нервы начали сдавать, от недомолвок Артема становилось не по себе, и какое-то неприятное предчувствие вдруг охватило ее.

Масленников улыбнулся:

– Удачная шутка. Особенно про бабулек смешно. Ника, ты умная женщина – открой Интернет и забей в поисковик всего два слова: Максим Гавриленко. И смысл задания станет тебе ясен. – Тут он вдруг глазами показал на интерком, и Нику осенило: а ведь все это время Дина слушала их разговор. И видимо, Артем в чем-то подозревает свою секретаршу, раз говорит загадками и юлит. Как-то он проговорился, что кто-то из редакции регулярно «сливает» информацию о готовящихся статьях одному из прямых конкурентов «Хроникера». Ника тогда только посмеялась – мол, у тебя паранойя, кругом мерещатся шпионы, а потом, обнаружив у конкурента статьи на темы, найденные журналистами «Хроникера», задумалась. Видимо, и Артем задумался и даже предпринял какие-то шаги, раз дает понять, что с Динкой не все в порядке.

– Хорошо, я поняла. – Ника встала и направилась к двери.

– Никуся, постой. – Масленников двинулся за ней, обнял и прошептал на ухо: – Мы увидимся сегодня? Я буду тебя ждать.

– Конечно, увидимся, – целуя его в щеку, мурлыкнула Стахова, – я тогда поеду, да? Ты ведь уже созвонился с Гавриленко?

– Да, он тебя ждет к пяти. Назовешь охране свою фамилию, тебе дадут пропуск.

До часа икс еще оставалось приличное количество времени, и Ника решила посвятить его детальному изучению «объекта». Благо Интернет изобилует и фотографиями, и статьями, и официальными данными. Как, впрочем, и слухами и сплетнями.

Офис «Изумрудного города» производил впечатление, даже Ника, выдавшая за свою журналистскую карьеру всякое, вынуждена была это признать. Задрав голову, она смотрела вверх,

практически в облака, куда уходила высотка, словно облитая стеклом изумрудного цвета. «Державненко, – хмыкнула Стахова, – и в тему к названию».

Она толкнула массивную дверь и оказалась прямо перед турникетом, слева от которого возвышалась стойка с сидевшим за ней охранником.

– Вы к кому, девушка? – спросил он густым басом и протянул руку.

Ника вынула паспорт, сунула охраннику и небрежным тоном произнесла:

– Господин Гавриленко ждет меня. Я Вероника Стахова из газеты «Столичный хроникер».

– Стахова, Стахова... – бормотал охранник, ведя пальцем по какому-то списку сверху вниз. – Нет, девушка, вас тут нет. Всего хорошего. – Он протянул ей паспорт и снова уселся с каменным лицом.

Ника вспыхнула:

– Что значит «вас тут нет»? Внимательнее посмотрите! У меня назначена встреча с господином Гавриленко, его пиарщик звонил сегодня моему главреду!

– А мне подробности до фонаря, – сообщил охранник, – если в списках нет, значит, и делать вам в офисе нечего.

– Позвоните... не знаю, кому тут у вас принято звонить... – Ника чувствовала, что вот-вот сорвется на крик – она потеряла столько времени на дорогу, еле припарковалась, потом еще бежала переулками до нужного здания, и теперь этот чурбан в синей форменной рубашке с погончиками заявляет, что внутрь она не попадет!

– Ну-ка, выметайся отсюда! – грозно рыкнул охранник, и обалдевшая от такого напора Стахова вышла из здания.

Спустившись по ступенькам на тротуар, она вдруг изо всех сил пнула попавшийся ей под ногу пластиковый стаканчик – в такие наливают кофе, чтобы выпить на бегу, дурацкая мода, пришедшая из Америки, которую Ника не поддерживала. Стакан подскочил и, пролетев пару метров, ударился в ногу подходившего к зданию мужчины. Мало того, открылся, и оказалось, что он не был пуст, поэтому остатки кофе выплеснулись прямо на серые брюки с идеально отглаженными стрелками. Ника в ужасе прикрыла рот рукой и подняла глаза на мужчину, чтобы извиниться, и тут же застыла – перед ней стоял Максим Гавриленко, точно сошедший с одной из своих последних фотографий в «Форбс»...

– Оригинальный способ играть в футбол, вы не находите? – спросил он, глядя на отнюдь не маленькую Нику сверху вниз.

– Простите... я не знала... – пробормотала Стахова, и Гавриленко улыбнулся:

– Ну, я надеюсь, что вы не специально меня караулили, чтобы облить кофе. Неудачный день?

– Неудачный разговор и потраченное время. – Ника уже сумела взять себя в руки и теперь размышляла: пожаловаться на идиота-охранника или нет.

– Потраченное время – это всегда плохо, – Гавриленко бросил взгляд на наручные часы, – я вот сейчас тоже трачу время, правда, чужое. Меня ждет девушка, а я вынужден был отлучиться, а теперь и вовсе заявлюсь в грязных брюках. Хорош глава солидной фирмы, правда?

– Кстати, вы тратите сейчас мое время, – сообщила Ника, – меня зовут Вероника Стахова, и это со мной у вас назначено интервью. Но меня не пустили в ваше царство, уж больно хорош цербер у ворот, – съязвила она, не удержавшись.

Гавриленко с интересом взглянул на нее:

– Так вот вы какая... Признаться, я думал, что вы будете выглядеть несколько иначе...

– Ждали стройную длинноногую блондинку?

– Ну, с ногами у вас, как я вижу, все в порядке, – бросил Гавриленко, и Ника почувствовала, как кровь бросилась в лицо, – а блондинок я не люблю, это слишком уж шаблонно, согласитесь?

– А вы претендуете на оригинальность, как я вижу? – Ника кивнула на изумрудное остекление, и Гавриленко рассмеялся:

– А язычок-то у вас как бритва... Ну что, идем внутрь? Пристроим цербера, дадим нагоняй пиарщикам и секретарю и пообщаемся за чашкой кофе.

– Не возражаю.

Охранник лебезил так, что Нике сделалось на минуту мерзко – все-таки лакейство неискребимо, и перед деньгами и властью этот чурбан готов был на брюхе ползать, а ее, простую журналистку, несколько минут назад едва не в тычки вытолкал.

Они поднялись в лифте на седьмой этаж, и у Ники за время пути даже дух перехватило – лифт оказался эркерным, со стеклянными стенами, и создавалось ощущение, что земля в буквальном смысле уходит из-под ног с бешеной скоростью.

– Ух ты... – пробормотала она вполголоса.

– Страшно? – с улыбкой спросил Гавриленко.

Ника пожалала плечами:

– Я высоты не боюсь. Просто вид уж больно... захватывающий.

– А я люблю вечером лифтом пользоваться, – вдруг признался Гавриленко, – знаете, когда все уже в огнях, город под ногами смотрится совершенно иначе. Чувствуешь себя бросившим вызов космосу.

«Ну, от скромности вы явно не умираете, господин великий строитель», – хмыкнула про себя Ника и вышла из лифта следом за Максимом.

Кабинет его оказался совершенно не таким, как представляла себе Стахова. Ей почему-то виделся черно-белый интерьер, внушительный длинный стол в окружении кресел, какие-то макеты в застекленных витринах вдоль стен. Ничего этого не обнаружилось. И цветовое решение в кабинете тоже позабавило и удивило Нику. Стены оказались нежно-голубыми, мягкие диваны и пара кресел возле круглого журнального столика – желтыми, а стол, за которым работал хозяин, не был устрашающе-огромным. Обычный письменный стол с местом для ноутбука, большое офисное кресло без каких-то излишеств. А вместо ожидаемых макетов или фотографий готовых объектов – пара картин, на которых Ника с удивлением опознала пражские улицы. Она мечтала побывать в Праге, собирала фотографии и картины с видами этого города, поэтому узнать популярные пражские места смогла без труда.

– Откуда у вас страсть к Праге? – вырвалось у нее, когда она заметила, что и на стоявшей возле ноутбука кружке имеется изображение Карлова моста.

– Я бы не назвал это страстью, – жестом предлагая ей присесть в кресло, ответил Гавриленко. – Скорее, это сыновняя любовь.

– Сыновняя?

– Я учился в Пражском университете и несколько лет прожил в Праге.

Ника почувствовала себя глуповато – буквально пару часов назад она внимательно изучала пресс-портрет Максима Гавриленко, и там, естественно, была информация о его учебе в Праге. «Лохушка», – обругала себя Ника и вынула из сумки диктофон:

– Вы не возражаете, если в параллель к записи я включу диктофон? Не все успеваешь набросать ручкой.

– Совершенно не возражаю.

Разговор как-то плавно вошел в нужное русло, и Ника перестала замечать окружающее – так бывало всякий раз, когда она увлекалась собеседником и получала не только нужные ответы, но и удовольствие от беседы.

Гавриленко, отвечая на вопросы, попутно рассматривал журналистку. В этой Стаховой было что-то такое, что притягивало его. Вот она, чуть прикусив губу, выводит в блокноте странные значки, рисует стрелки, кружочки, соединяет их одной ей понятным образом, замирает,

словно оценивая работу, снова чертит что-то. В одну из таких пауз Максим вдруг задал ей вопрос:

– Скажите, Вероника, вы ведь не москвичка?

Рука Стаховой замерла над листом:

– Что, простите?

– Вы ведь не из Москвы?

– А что – до сих пор заметно? – в ее тоне прозвучала растерянность, и Максим улыбнулся:

– А вы хотите это скрыть?

– Нет, но... странно, что вы спросили. Я несколько лет живу здесь и уже как-то отвыкла от таких вопросов.

– Мне просто показалось, что вы внутри себя не столичная штучка.

– Н-да? Это почему же? – Она прищурилась и убрала выбившуюся прядь волос, заправив ее за ухо.

– В вас чувствуется какая-то простота, которой не было в тех журналистах, с которыми я общался.

– Это плохо?

– Нет, что вы! Мне это нравится, я потому и решил проверить догадку.

– На самом деле я из Омска, там родилась, там училась и работать начинала. Это уж потом, когда стало тесновато, решила перебраться в столицу.

– Может быть, сделаем перерыв, выпьем кофе? – предложил Максим и, не дожидаясь ответа, нажал кнопку интеркома: – Алия, сделайте нам, пожалуйста, кофе.

– Если можно, мне лучше чай, – попросила Ника, – я не пью кофе после обеда.

– Отлично. Алия, кофе мне, а девушке чай.

– Зеленого нет, Максим Алексеевич, – плеснулся из интеркома мелодичный голос с едва уловимым акцентом.

Максим вопросительно посмотрел на Стахову.

– Черный подойдет, – улыбнулась она.

Гавриленко повторил эту фразу секретарше и отпустил кнопку.

– Не поддайтесь общему увлечению здоровым образом жизни?

– Отчего же... просто не люблю зеленый. Да и какая, в сущности, разница? Зеленый – это тот же черный, просто молодые побег.

– Тоже верно, – рассмеялся Гавриленко, – но сейчас модно пить именно зеленый, заниматься йогой и не есть после шести.

– Ну, это кому как! Мне не так часто удастся не ужинать после шести, работа не позволяет. Прихожу домой – и к холодильнику.

– А вы чем-то увлекаетесь? Надеюсь, что не спросил ничего запретного!

В ее глазах мелькнуло удивление:

– Сейчас уже непонятно, кто кому дает интервью.

– Я не хотел вас обидеть. Просто, раз уж у нас перерыв, то почему бы не узнать интервьюера поближе? Так все-таки?

Ника помолчала. Этот человек оказался совершенно не таким, каким она представляла, идя сюда. Тот Гавриленко, о котором она читала в Интернете, вряд ли стал бы задавать вопросы журналистке, да еще такие – затрагивающие ее личную жизнь.

– Вы, наверное, сочтете меня странной... Если остается время, я шью мягкие игрушки.

Гавриленко от удивления замер – ожидал чего угодно, но не этих слов. Образ Ники никак не вязался в его представлении с мягкими игрушками. Если бы она призналась, что в свободное время гоняет на мотоцикле, это произвело бы на него гораздо меньшее впечатление.

– Игрушки? – медленно повторил он, проверяя, не шутит ли она, и Ника подтвердила:

– Да. Маленькие такие, с ладонь. Это у меня с детства. Мама как-то купила книгу с картинками и выкройками, и мне в душу запал котенок оттуда. Крошечный, с мизинец всего. Я его пыталась сшить около месяца, столько ткани перепортила – ужас. Но все-таки справилась, маме подарила на день рождения. Ну и пошло с тех пор. Я даже одно время эти игрушки в магазин сдавала – был у нас такой салон, там продавали всякие туеса из бересты, картины, вышивки, из бисера что-то. Люди в качестве сувениров покупали, для маленьких сюрпризов. Платили, конечно, копейки, зато у меня всегда были карманные деньги.

– Однако...

Их беседу прервала высокая тонкая девушка в строгом костюме, вошедшая с подносом в руках:

– Максим Алексеевич, кофе и чай.

– Да, Алия, спасибо.

Пока девушка расставляла на столике чашки, заварочный чайник и джезvu на небольшой горелке, подогревавшейся снизу свечой, Гавриленко продолжал рассматривать Стахову. Она казалась абсолютно спокойной, уверенной в себе и какой-то слишком самостоятельной. «Интересно, есть ли у нее мужчина? – совершенно не к месту подумал Максим и тут же одернул себя: – Ну, тебе-то какое дело до этого? Ты еще возьми и спроси!» – и тут же, едва за Алией закрылась дверь, ляпнул:

– Скажите, Ника, вы встречаетесь с кем-то?

– Не думаю, что это касается кого-то, кроме меня, – холодно ответила Стахова и взяла чашку.

– Простите, – пробормотал Максим, чувствуя себя круглым идиотом. – Можем продолжать?

– Если вы не против, то я бы хотела закончить.

– То есть?

– Мне нужно вернуться в редакцию, чтобы успеть сдать свою дневную работу. От ежедневной рутины никто не освобождает даже в том случае, если берешь интервью у такого человека, как вы.

Максим даже не понял, был ли в ее словах сарказм. Почему-то хотелось надеяться, что нет.

– Но мы ведь, кажется, не все обговорили?

– Я сделала для себя определенные выводы и получила нужную информацию. Если позволите, я позвоню вам в том случае, если возникнут какие-то дополнительные вопросы. Статья будет готова не ранее чем через пару-тройку дней, мне нужно еще кое-что уточнить.

– Могу помочь.

– Я воспользуюсь вашим предложением. Спасибо за чай.

Стахова поднялась и небрежно смахнула в сумку блокнот, ручку и диктофон. Максим тоже встал, и в этот момент в кабинет ворвался невысокий полный мужчина лет семидесяти с папкой в руках:

– Максим, нужно срочно...

– Спокойно, спокойно! – жестом остановил его Гавриленко. – Познакомься, Иван Никитич, это Вероника Стахова из «Столичного хроникера».

Мужчина повернулся к Нике, присутствия которой в первый момент, кажется, даже не заметил, и окинул ее с ног до головы цепким внимательным взглядом:

– Добрый вечер, барышня.

– Иван Никитич – мой заместитель, – пояснил Гавриленко, – даже больше – он мой второй отец, мой наставник и учитель.

– Вы ничего не сказали о первом, – тут же уличила Стахова, и Гавриленко обрадовался:

– А вот это и будет темой нашей с вами следующей беседы, если пожелаете.

Ника колебалась. Было видно, что ее заинтриговала история с двумя отцами олигарха, но она не знала, как поступить и соглашаться ли на следующую встречу. Журналистское нутро взяло верх.

– Если вы найдете время, я с интересом выслушаю. В конце концов, личные моменты всегда украшают журнальный образ...

– ...и очеловечивают любого бизнесмена, – закончил за нее Иван Никитич.

– Верно, – чуть улыбнулась она.

– Отлично. Тогда Алия позвонит вам на следующей неделе и предложит время, а вы выберете то, что вам подходит, – подытожил Гавриленко и снова нажал кнопку интеркома:

– Алия, проводите, пожалуйста, Веронику к выходу.

Когда за Никой закрылась дверь, Гавриленко вернулся в кресло у рабочего стола, закинул руки за голову и посмотрел на заместителя:

– Ну, что у тебя?

– Да у меня-то кое-что... – загадочно протянул тот, многозначительно глядя на Максима, – а вот у тебя что?

– Не понял.

– Чего это ты, мил друг, перед журналисткой этой рассопливился? – без всяких церемоний поинтересовался Иван Никитич, или просто Никитич, как привык называть его Гавриленко с детства.

– В каком смысле?

– Не темни, Максимка! Понравилась деваха?

– Глупости, – посуровел Гавриленко и положил руки на столешницу, – просто разговор состоялся хороший, без банальностей этих обычных, без «желтухи». Строго о делах, никаких попыток в личную жизнь влезть.

– Вот это-то и настораживает, Максим, – серьезно проговорил Никитич, открывая принесенную папку с бумагами, – раз в дела полезла – непременно начнет копать. И ведь накопает! – многозначительно добавил он.

Гавриленко постучал костяшкой пальца по столу:

– Но-но! Я тебя затем и держу тут, чтоб никто ничего не накопал. Показывай, что принес, чего тянешь?

– В общем, все по плану, Максим.

– Ну?! – оживился Гавриленко. – Ключнул?

– Не ключнул – заглотнул, как голодный карась червя, – рассмеялся Никитич, протягивая бумаги через стол. – Тендер наш, как и планировалось. Деньги я перевел. Эх, Максимка, покуда не оскудеет земля русская голодными карасями-чиновниками, мы с тобой свою жизнь обеспечим на долгие десятилетия вперед! Правнукам твоим – и тем хватит, если с умом.

Ника сидела за компьютером и пыталась начерно записать свои впечатления от встречи с Гавриленко. Это еще не была статья – это была «окрошка», как называла подобные записи сама Стахова. В таких файлах у нее хранились собственные мысли по теме статьи, какие-то фразы, показавшиеся удачными, информация, почерпнутая из Интернета или полученная в ходе бесед. Потом все это постепенно трансформировалось в строки будущего материала, лишнее вычищалось и оставалось только то, что было «по делу». Но сегодня работа шла медленно. Нике казалось, что она упустила что-то в разговоре с Максимом, не смогла ухватить суть, понять, чем дышит этот человек вне бизнеса – ведь не могло же быть, что ничто другое его не интересует. Но в памяти всплывал лишь короткий эпизод в лифте, когда Гавриленко объявил, что любит ночью через прозрачные стены смотреть на город. Этого было как-то недостаточно. Ника не любила однобокости, не делила материалы на «черные» и «белые» – в них

всегда всего было поровну. В случае же с Гавриленко ей почему-то хотелось показать все стороны, не заикливаясь только на бизнесе. Но впечатлений явно не хватало...

– Неужели придется звонить ему? – пробормотала она, сунув карандаш, который грызла, в прическу. – Подумает еще, что навязываюсь... Хотя сам предложил, отчего нет...

От раздумий ее оторвал Масленников, стремительно влетевший в комнату, где сидели журналисты:

– Ну и сколько, по-вашему, времени?! Почему я должен ждать первую полосу?

Отвечавшая за сегодняшнюю статью на передовице Наташа Вдовина развернулась в кресле и проговорила:

– Статья у Левы, я сдала ее полтора часа назад.

По лицу Масленникова все поняли, что заведующему отделом сейчас будет не особенно хорошо. Левина манера задерживать читку материала была притчей во языцех. Не помогали даже штрафы, введенные Артемом. Однажды Лева таким образом ухитрился уйти в «минус», то есть фактически остался должен изданию деньги, но даже это не заставляло его пошевеливаться, и сотрудники постоянно гадали, на какой волшебной ниточке держится Лева в «Хроникере».

Из его закутка через пару минут раздался вопль, и Лева, к неумной радости подчиненных, вприпрыжку рванул к выходу, а за ним – Артем, зажимающий в руке свернутый в трубку журнал, который, очевидно, и придал ускорение телу заведующего отделом.

Ника фыркнула и снова погрузилась в заметки. Поняв, что свои впечатления сейчас вряд ли сможет изложить толково, она решила оставить это на ночь и попытаться еще раз дома, а пока свернула окно и полезла в Интернет. Поисковик услужливо выдал ей массу снимков, изображавших Максима Гавриленко в самых разных ситуациях. Были тут и фото с отдыха, и с деловых переговоров, и с презентаций каких-то объектов. Ника с удивлением обнаружила, что каждый раз его сопровождают разные девушки – ни одно лицо не попало ей дважды. «Такое впечатление, что он звонит в контору по подбору эскорта и четко описывает требования: высокий рост, модельная внешность, длинные волосы, черное коктейльное платье. Да – и чтобы ни в коем случае не блондинка, это же шаблонно», – фыркнула про себя Стахова. Она так углубилась в изучение материалов о Гавриленко, что даже не поняла, что осталась в офисе одна – коллеги, видя, как Ника увлечена работой, неслышно покинули помещение. Бросив взгляд в угол монитора, Стахова ахнула – двенадцатый час! Да ее сейчас отсюда метлой уборщица выметет!

Она взяла мобильный и набрала номер Артема:

– Тем, ты еще не ушел?

– Собираюсь. А ты чего так припозднилась?

– Да сижу вот... материал готовлю...

– Поужинаем? – предложил он, и Ника согласилась – все равно собирались встретиться, так почему не совместить это с ужином.

Она выскочила на пару минут в туалет, чтобы поправить макияж, а возвращаясь, заметила, как из комнаты выходит Дина.

– О, Динка, а ты чего тут? – удивленно спросила Ника, и секретарша Артема остановилась:

– Да вот, задержалась. Шеф что-то буйненький сегодня...

– А у нас что делала?

– Брала днем зарядное устройство для телефона у Наташки, у нас одной фирмы, а вернуть забыла. Думаю – положу на стол, а то вдруг она завтра хватится с утра. Все, Никуся, я побежала, меня Тимур ждет в машине. – Чмокнув Нику в щеку, Дина застучала каблучками по лестнице.

Ника проводила ее взглядом, с улыбкой наблюдая, как полы Динкиного модного пальто развеваются наподобие крыльев, взяла со стула сумку и чехол с ноутбуком и пошла вниз.

- *Отлично! Каждое слово слышно, молодчина твоя кукла.*
- *Да не вопрос. Это было не особенно сложно.*
- *Ну, сложно или нет, я не обсуждаю, а гонорар – вот.*
- На стол плюхнулся пухлый конверт, и мужская рука быстро убрала его.*
- *А теперь иди. Будешь нужен – я позвоню. Спасибо за услугу.*

Статья вышла «сопливая», как определил это Артем.

– Ну не ожидал от тебя... Только крыльев не хватает твоему герою! – саркастично заметил он, прохаживаясь по кабинету.

Ника, сидя за столом, барабанила пальцами по закрытому ноутбуку Масленникова. Она и сама чувствовала, что эта статья не в ее стиле, это даже не статья, а рассказ для глянцевого дамского журнала.

– Ты меня прямо на корню срезала. Что я теперь в номер поставлю?

– Артем, я написала то, что увидела!

– Ты просто не дала себе труда порыться, покопать поглубже! – раздраженно бросил Артем и полез в стол. – Я ни за что не поверю, что такой человек, как Гавриленко, на деле оказался невинным, как младенец. И никто не поверит, понимаешь? Никто – потому что, как известно, в основе каждого большого состояния лежит один украденный рубль. Знаешь, кто это сказал?

– Карл Маркс сказал, – буркнула Ника, – только ты его переврал. Там, если дословно, иначе звучит: «В основе всякого большого состояния лежит преступление».

– Ну а я о чем? Такое состояние, как у Гавриленко, априори не могло быть заработано честным путем, согласна? И в таком молодом возрасте. И родители у него не арабские шейхи. Улавливаешь? – подхватил Артем. – В общем, так. Иди сегодня домой, а на досуге почитай вот это. – Он бросил ей папку, набитую какими-то бумагами и вырезками. – И подумай, что и как переделать. В номер я это поставить не могу, мы не дамский журнал.

Ника вспыхнула и хотела возразить, но потом передумала и, сунув под мышку папку, вышла из кабинета. Артем вот уже который день вел себя странно, с утра был хмур и неразговорчив. Стахова вдруг поняла, что уже неделю они не встречались нигде, кроме работы. Раньше такого не было...

Отгнав от себя эту мысль, Ника вернулась в кабинет и уселась на свое место. То, что вечер ей придется коротать в редакции, она уже поняла. Тащить домой тяжеленную папку не хотелось, а переделывать статью нужно сегодня. Выхода нет...

Она начала перебирать какие-то вырезки, распечатки, целые газетные полосы. Попадались даже расшифровки прежних интервью Гавриленко. Но Ника никак не могла заставить себя вникать в суть. Промучившись до ночи, она решила, что все бесполезно. И тут позвонил Артем.

– Ты еще не дома? – удивленно спросил он.

– Нет. По твоей милости сижу в офисе и разгребаю кучу старых бумажек.

– Теперь можешь по моей милости вставать и идти домой. Статью я переделал сам, так что все в порядке.

– Сам? – удивилась Ника.

– Ну, а какой был выход? Уже сверстали. Извини, что раньше не набрал, замотался совсем, да и, честно сказать, думал, что ты ушла уже.

– Так какого же черта ты мне об этом не сказал? Чтобы я не сидела тут и не копалась в газетных вырезках? И вообще, с каких это пор ты взялся сам редактировать статьи?

Ника не могла понять, что происходит. Артем прежде не занимался такими вещами, бегло просматривал материал. И все, но переписывать...

– Ника, я очень устал, у меня нет сил на разговоры, – уклонился Масленников, – если ты освободилась, можем вместе выйти. – И он положил трубку.

Ей не понравились ни тон, ни слова Артема. Вообще все, что происходило в последние несколько дней, не нравилось и, более того, настораживало. И идти вместе с Масленниковым до проходной Ника уже тоже не хотела. Совершенно не хотела его видеть, и это нежелание тоже было странным. Вздыхнув, Ника снова погрузилась в чтение и даже не услышала, как в кабинет вошел Масленников, уже в куртке и с неизменным портфелем в руке:

– Ты до сих пор не оделась?

– Спасибо, я еще не закончила, – холодно проговорила она.

– Я же сказал: номер выходит завтра, можешь выбросить всю папку в мусор.

– Дочитаю – и выброшу, – огрызнулась Ника, – иди домой, Артем, ты же устал.

Масленников решительно шагнул к ней, взял за плечи, заставил подняться из кресла и властно прижал к себе:

– Что с тобой сегодня? Ты на себя не похожа, Белочка. Едем ко мне – хочешь?

Ника вдруг расслабилась, обмякла, склонила голову на плечо Артема и согласно кивнула.

– Ты видел?! Ты это видел?! – Потрясая газетой, мужчина еле сдерживал раздиравший его изнутри гнев. – Кто вообще пустил сюда эту девку?!

– Максим Алексеевич был не против...

– Максим Алексеевич?! А со мной ты это согласовал?! А текст интервью завизировал кто-то, а?! Откуда вообще всплыла вся эта информация о готовящемся тендере? Ты понимаешь, что она нас этой статьей со всеми потрохами сдала? Понимаешь или нет?

– Я же не могу отвечать за то, что говорит в интервью Максим Алексеевич...

– Но ты же должен был потребовать текст! Текст, черт тебя подери, чтобы быть в курсе! – Скомканная газета полетела в угол кабинета. – Что теперь я должен делать с этим? Ждать, пока соответствующие органы с проверками нагрянут?

– Может, обойдется...

– Ох, мне бы ваше ослиное упрямство и носорожье спокойствие!

Ей и в голову не могло прийти, что статья, почти полностью переписанная и измененная, выйдет под ее именем. Но так или иначе подпись «Вероника Стахова» красовалась внизу, хотя по сути Нике в тексте принадлежали разве что знаки препинания. Первым желанием было пойти в кабинет Артема и закатить скандал, но, выкурив сигарету и чуть успокоившись, Ника решила, что это успеется. «У меня есть оригинал статьи, и это совершенно другой текст», – думала она, сидя на подоконнике в курилке. Сразу за этой мыслью пришла другая: а кому, собственно, она собиралась демонстрировать этот самый оригинал? Уж не Гавриленко ли, чтобы оправдаться и доказать, что она не писала ни слова о махинациях с тендером? Она вообще об этом тендере ничего не знала, да и откуда? В беседе с Максимом они практически не касались текущих деловых вопросов, больше обсуждая законченные проекты. А вот Артем, очевидно, через своих информаторов узнал и довольно жестко и прямолинейно изложил все в статье, намекая на возможные взятки. А статью подписал ее именем... И никакие материалы в ее собственном компьютере не помогут оправдаться. Печатное слово – оно как-то весомее выглядит.

Эта мысль почему-то Нике особенно не понравилась – выходило, что она заранее ищет способ убедить Гавриленко в том, что она ни при чем, а Артем беззастенчиво воспользовался ее именем в каких-то одному ему ведомых целях. Создавалось впечатление, что статья о Гавриленко кем-то заказана, но Масленников не хотел совсем уж откровенно светиться.

«Сдались они мне все! – зло подумала Ника, спрыгивая с подоконника. – Отпуск, что ли, попросить? К маме рвануть...»

Но эта идея быстро перестала казаться удачной – у матери Ника не была уже ровно пять лет, не желая встречаться с ее сожителем. Она была рада, что мама не осталась одна, но встречаться и жить в одной квартире с чужим незнакомым человеком не хотела. У матери своя жизнь, она вольна ею распоряжаться так, как хочет. А Ника больше не хотела быть частью этой жизни. Собственно, в Москву она уехала тоже во многом из-за этого, и мать как-то слишком уж явно обрадовалась, даже не попробовала отговорить или предостеречь. «Не терпелось остаться наедине со своим Митенькой», – неприязненно думала Ника, вспоминая свой отъезд. Обида на мать осталась и не проходила, хотя Стахова старалась понять и оправдать ее поступок.

В обед она спустилась в кафетерий, находившийся в том же здании, что и редакция, заказала латте и греческий салат и устроилась за столиком у большого окна. Наконец-то в Москву пришла весна, и прохожие, которых в обеденный час на улице было несть числа, выглядели оживленными и даже нарядными. Женщины получили возможность вынуть из шкафов яркие плащико и пиджаки, короткие юбки и туфли на высоких каблуках и теперь напоминали распускающиеся цветы. Ника любила весну – вот такую, когда остатки снега уже сошли, а травка на газонах едва начала пробиваться, и на деревьях набухли почки. В эту пору ей и самой хотелось какого-то обновления, новой прически, свежих эмоций.

«Хотя с эмоциями, чуёт мое сердце, все будет в порядке, – невесело подумала Ника про себя. – Интересно, как Гавриленко отнесется к статье...»

Официантка поставила перед ней кофе в высоком бокале и тарелку с салатом. Никаковырнула салат вилкой и поняла, что есть совершенно не хочется.

– Вам не понравилось? – почти с огорчением поинтересовалась официантка, убирая со столика нетронутый салат, и Ника виновато ответила:

– Нет, с салатом наверняка все в порядке... просто аппетит пропал...

Девушка кивнула, поставила тарелку на поднос и удалилась, но через некоторое время снова возникла возле Ники. В руке она держала высокую вазочку, наполненную смесью клубники, ежевики и взбитых сливок:

– Это вам от нашего администратора.

Стахова удивленно перевела взгляд с вазочки на стойку, за которой стоял администратор – невысокий, коренастый парень лет двадцати пяти в бордовой форменной рубашке с бейджиком. Почувствовав, что на него смотрят, парень повернулся и приветливо улыбнулся Нике. Та отрицательно покачала головой, давая понять, что не нуждается в таких комплиментах, и тогда администратор покинул свое место и подошел к столику.

– Настя, ты можешь идти, – бросил он официантке, и она, поставив десерт перед Никой, ушла. – Вы только не подумайте, что я к вам клеюсь... просто вы наша постоянная клиентка, я вас часто тут вижу, а сегодня вы остались без обеда. Попробуйте, этот десерт очень вкусный и абсолютно диетический...

Ника иронически улыбнулась:

– То есть, молодой человек, вы искренне уверены, что если женщина крупная, то она непременно на диете?

Парень смутился так, что на скулах выступили пятна в цвет его рубахи:

– Простите... я не о том...

– Да ладно, расслабьтесь, я пошутила, – сжалилась Стахова. – Спасибо за десерт, я непременно попробую. А сейчас, если не возражаете, мне бы хотелось допить кофе в одиночестве.

Администратор, извинившись, ретировался, а Ника принялась за десерт, оказавшийся на вкус просто восхитительным.

Возвращаться в редакцию не хотелось. Не хотелось встречаться с Артемом, снова поднимать тему переписанной статьи с ее подписью. Мелькнула даже шальная мысль позвонить начальнику отдела и сослаться на необходимость срочно взять интервью для новой статьи, но

Ника отбросила ее. Все равно встречи с Артемом не избежать – не сегодня, так завтра, и лучше уж не оттягивать.

На рабочем месте ее ждал неприятный сюрприз. В небольшой пружинный держатель для фотографий, стоявший на столе, вместо привычной открытки с видом старой Праги был воткнут белый конверт без надписей. Ника открыла его и увидела листок с напечатанной фразой: «Зря ты это затеяла». Машинально скомкав, она прямым попаданием отправила послание в мусорную корзину и только потом подумала: «А от кого бы это?» На шутки коллег было не особенно похоже – те развлекались иначе. Этот же листок таил в себе не шутку, а, скорее, угрозу.

Ника извлекла письмо из корзины, сунула в карман и решительно направилась в кабинет Масленникова.

Динка за столом увлеченно читала какой-то журнал и на вопрос Ники, на месте ли шеф, только нетерпеливо кивнула, не в силах оторваться от заинтересовавшей ее статьи. Стахова толкнула дверь и вошла.

Артем, расстегнув воротник рубашки и закатав до локтей рукава, что-то быстро набирал на клавиатуре стационарного компьютера. Оторвавшись от работы, он недовольно глянул на вошедшую Нику:

– Что-то случилось?

– Да.

Она положила мятый листок на клавиатуру и, скрестив на груди руки, отошла к окну.

– Где ты это взяла? – проговорил Артем растерянно.

– У себя на столе. Конверт торчал в держалке, где у меня обычно открытка вставлена.

– Кто-то пошутил, – но в тоне Артема уверенности было гораздо меньше, чем у самой Ники, которой такая мысль тоже пришла в голову чуть раньше.

– Я не думаю. Так не шутят – да и потом, к чему? Хотели разыграть, так использовали бы какой-то конкретный повод, а тут...

– Но почему ты думаешь, что это связано со статьей?

Ника медленно повернулась и вопросительно посмотрела Артему в лицо:

– А я разве сказала, что связываю это письмо с выходом статьи?

Масленников осекся и вдруг проговорил раздраженно:

– У тебя что, нет никакой работы?

– Не поняла...

– Что непонятного? – вдруг загремел Артем, вскакивая. – Распустились совсем! Дисциплины никакой, материалы каждый вечер чуть не с кровью вырываю! Тебе делать нечего, кроме как с этими бумажками по редакции носиться?! Сама не работаешь и меня отрываешь!

В первый момент Ника растерялась. Обычно спокойный Артем ни разу за все время их совместной работы не выходил из себя и не повышал голоса.

– Простите, что оторвала вас от важной работы, шеф, – высокомерно заявила она и, прихватив листок, вышла из кабинета.

Дина, оторвавшись наконец от журнала, с любопытством спросила:

– Чего это он?

– Понятия не имею. Валерьянки накапай своему начальнику, а то по швам лопнет, – бросила на ходу Ника и быстро зашагала в свою редакцию.

Однако испорченное настроение так и не налаживалось, а из головы никак не желала выходить вроде бы невинная, но в то же время пугающая фраза из письма. Интуитивно Ника связывала произошедшее со статьей, но никак не могла понять, почему Артем старался откритиковаться от этой догадки. Которая, кстати, и ему пришла в голову – раз уж он сам об этом и заговорил. Только вот непонятно, почему тогда он хотел, чтобы Ника думала иначе...

Поняв, что ничего толкового сегодня уже не сделает и не напишет, Ника со вздохом выключила компьютер, бросила в сумку блокнот и диктофон и, сообщив коллегам, что едет на интервью, покинула здание.

Никакого интервью у нее, разумеется, не было назначено, но поди проверь, да и вряд ли кто-то стал бы слишком уж озадачиваться ее отсутствием на рабочем месте после четырех часов дня.

Домой идти не хотелось, и Ника решила, что уж раз устроила себе свободный вечер, то вполне может прокатиться на машине по городу. Как ни странно, многокилометровые московские пробки во второй половине дня всегда действовали на нее успокаивающе и позволяли поразмыслить над какими-то вещами. Медленно продвигаясь в скопище таких же, как она, запертых со всех сторон в машинах водителей, Ника ухитрилась продумать до мелочей очередную статью, прокрутить в голове будущее интервью или просто наметить планы на выходной день. Сегодня, продвигаясь в сторону аэропорта Домодедово, она тоже обдумывала статью – но ту, что уже вышла и не принадлежала ей. Эта история с каждой минутой все сильнее казалась Нике срежиссированной, фальшивой. Впервые за все время Артем повел себя непорядочно – а как иначе можно было назвать то, что он сделал? Он и раньше отвергал первую редакцию статей, но всегда давал журналистам возможность самостоятельно довести их до ума и, уж тем более, не поступал подобным образом с Никой. Все сильнее она укреплялась в мысли о заказном характере статьи – уж очень странно выглядела ситуация. Но зачем Артему было так подставлять ее, Нику? Ответ на этот вопрос ей не помогла найти даже длиннющая пробка...

Вероника всегда парковала машину в одном и том же месте, в переулке рядом с домом. Он неважно освещался, но темноты Ника не боялась. Найти место для малыша-«Купера» труда не составляло, это все-таки не джип с его габаритами, поэтому Ника довольно быстро втиснулась на свободную площадку между «Ситроеном» и «Фольксвагеном». Закинув на плечо ремень сумки и прихватив чехол с ноутбуком, она вышла из машины и нажала кнопку сигнализации. В этот момент раздался глухой стук, и лобовое стекло украсилось вмятиной и побывавшей от нее паутиной трещин.

– Это что еще за... – начала Стахова, оглядываясь по сторонам, и тут же кто-то обхватил ее и зажал рот рукой в вонючей кожаной перчатке.

– Стой спокойно и не дергайся! – прошипел незнакомец в самое ухо. – Значит, так. Лобовуха – это только цветочки, предупреждение. Если не прекратишь рыть вокруг «Изумрудного города», получишь битой по коленкам. И по пальцам заодно, чтоб наверняка уже.

Ника обмерла и даже не пробовала сопротивляться, страх оказался намного сильнее. Незнакомец неожиданно убрал руку с ее рта и сильно ударил головой о крышу машины. Падая, Ника успела увидеть покрытую прыщами щеку и кривой нос злодея.

Она пролежала на асфальте довольно долго. Сознание вернулось, но сил встать и пойти домой не было. Ника смотрела в ночное небо и думала о словах нападавшего. Неужели злощастная статья о деятельности «Изумрудного города» вызвала такую реакцию у его руководства, что подобные угрозы стали возможны? И причастен ли к этому Гавриленко? И насколько, интересно, это все серьезно? Можно ли не обращать внимания и просто похихикать завтра в курилке с коллегами? Или стоит стать хоть немного осторожнее? Все-таки это не бумажный конверт без подписи, а вполне конкретные угрозы...

С трудом встав на ноги, Ника почувствовала, как кружится голова. Очень хотелось скорее добраться до дома и лечь в постель. Она медленно побрела к подъезду, с трудом нашла в сумке ключи и вошла в вестибюль. Консьерж постучал в окно своей комнатки и попросил задержаться.

«Ну что еще?! – раздраженно подумала Ника, прислоняясь спиной к стене, чтобы не упасть. – Если деньги за уборку, так мог бы и утром спросить, видит же, что я еле на ногах стою».

Но консьерж удивил ее, появившись из комнатки с огромным букетом оранжевых роз:

– Вот, Ника, вам просили передать.

– Мне?!

– Ну если вы Ника Стахова из шестнадцатой квартиры, то вам.

Ника почувствовала слабость в ногах и начала оседать по стене. Консьерж заметил это и вовремя подхватил под локоть:

– Тихо-тихо-тихо! От радости коленки ослабли? Ох, а на лбу-то что? – Он осторожно прикоснулся к коже, и Ника вскрикнула. – Синячище-то какой! Это где ж вы так приложились?

– Голова у меня кружится очень, – жалобно проговорила Ника, игнорируя вопрос, – помогите, пожалуйста...

Консьерж засуетился, повел ее к лифту, проводил до дверей квартиры и помог отпереть замок:

– Может, врача вызвать? На пятом этаже семья живет, он хирург, она терапевт, хотите, я сбегаю?

Но Ника поблагодарила и отказалась. Закрыв за консьержем дверь, она устало опустилась на коврик и замерла, разглядывая лежащий перед ней на галошнице букет. Кто же его прислал?.. Артем был лишен романтической жилки, ему несвойственны такие проявления, как букет, переданный через консьержа. Приглядевшись, Ника заметила торчавшую среди роз маленькую карточку, на четвереньках подползла к галошнице и вынула картонку. На ней оказался незнакомый номер мобильного телефона, а на обратной стороне – логотип «Изумрудного города» и инициалы «М.Г.». Сомнений не осталось... Но как связать разбитое стекло «Купера», угрозы и этот букет? Что это? Гавриленко не в курсе того, что на Нику объявили охоту, или просто настолько хитер и циничен, что после подобного прислал цветы? Ей почему-то не хотелось в это верить. А еще было обидно, что она не ошиблась насчет Артема и букет был прислан, разумеется, не им...

Цветы Ника поставила в ведро – другой вазы под такую охапку в ее доме просто не нашлось. Пристроив букет, она решила заняться собой, но сил хватило только на душ, чашку чая и ледяные кубики на лоб. Синяк оказался приличный, такой не замажешь тональным кремом. Голова отчаянно болела, клонило в сон, подташнивало. Укутавшись в длинный халат, мягкие домашние угги и кашемировый клетчатый плед, Ника свернулась клубком на диване и включила телевизор. Шли новости, она почти не смотрела на экран и не вслушивалась в слова диктора до тех пор, пока не услышала фамилию Гавриленко. Встрепенувшись, Ника села и отложила пакет с подтаявшим льдом на стол.

– ...и сегодня перед стройплощадкой в центре города, где начались работы по возведению торгово-развлекательного комплекса, возник стихийный митинг. Жители близлежащих домов блокировали въезд на площадку технике и более двух часов не давали рабочим приступить к сносу здания. В концерне «Изумрудный город» о пикете известно, но сам глава фирмы Максим Гавриленко комментировать произошедшее отказался. И только что наш корреспондент по телефону передал, что протестующие вынуждены были разойтись по домам, так как представители подрядчика вызвали полицию и ОМОН.

На экране замелькали какие-то бабушки с картонными плакатами в руках, шеренга омоновцев, перегородивших вход на стройплощадку, и крупно – знакомый уже Нике логотип «Изумрудного города» на заборе, огораживающем место работ.

– Фигассе... – протянула Стахова, щелкнув кнопкой на пульте. – Быстро... А ведь у них реально проблемы начались... И как бы они теперь моими не стали...

Она подумала, что сейчас по идее должен позвонить Артем – он всегда смотрел именно этот выпуск новостей, а значит, видел и слышал то же, что и она. Но телефон молчал, Ника даже специально прибавила громкость звонка, чтобы не пропустить. Нет, Масленников не звонил. И тогда она решила потревожить его сама.

Артем долго не брал трубку, потом ответил сонным голосом:

– Да, Ника, что случилось?

– Ты чего это так рано спать завалился? – вырвалось у Стаховой.

– Устал очень, голова болит.

– Надеюсь, не настолько сильно, как моя!

– А что с тобой?

– А то! – Ника вдруг почувствовала раздражение, хотя и понимала, что Артем не мог знать о случившемся. – Стекло мне лобовое разбили и меня саму о крышу так головой приложили, что я, как в мультике, звездочки вокруг увидела.

– Я сейчас приеду! – мгновенно проснулся Артем и тут же отключился, Ника даже не успела возразить и попросить не делать этого.

– Да и черт с тобой, прокатишься, не треснешь, – пробурчала она, снова ложась на диван и натягивая плед до подбородка.

Артема не было довольно долго, он жил далеко от центра и не понимал Никиной страсти к этой части города. Считал, что там слишком уж суетно и многолюдно, что всегда смешило Стахову. В Москве везде полно народа, какая разница, центр или окраина.

Никуну начало клонить в сон, она уже жалела о своем звонке – сейчас Масленников придет, придется разговаривать, что-то рассказывать, а сил нет, хочется спать, и болит голова. Но вот раздался звонок в домофон, и Стахова, охая и хватаясь за отчаянно кружившуюся голову, побрела к двери. Лицо шагнувшего через порог Артема выражало такое беспокойство и заботу, что Ника едва не расплакалась.

– Что с тобой, Белочка? – обняв ее за плечи и заглядывая в глаза, спросил он, и вот тут Стахову прорвало.

Она всхлипнула, спрятала лицо на его груди и пробормотала:

– Мне очень плохо и очень страшно. Во что ты втравил меня?

– То есть? – чуть отстранив ее от себя, удивленно спросил Масленников.

– Это... это все из-за твоей затеи с Гавриленко!

Артем молча стянул с себя куртку, сбросил кроссовки и, крепко взяв Нику за руку, повел в комнату, но на пороге точно споткнулся, замер, и Ника врезалась в его спину, больно приложившись синяком как раз в лопатку.

– Чувствую, моя затея с Гавриленко не столь ужасна, как ты хочешь это выставить, – медленно проговорил он, и до Ники дошло – букет.

– С чего ты взял, что это от него? – неуверенным тоном спросила она, и Артем повысил голос:

– Не усугубляй! Я знаю, что это он тебе прислал этот... этот веник! Значит, это от него курьер приехал в редакцию как раз после того, как ты ушла домой, я просто не сообразил, кому Динка дает твой адрес!

– Адрес?! А ничего, что в нормальных местах никогда не разглашают не то что адреса, но и телефоны сотрудников?! – взвизгнула Ника, забыв о головной боли.

– При чем тут... я сразу на нее накинулся – мол, зачем, кто позволил, а она – курьер приезжал, привез что-то, я и решил, что ты, может, в Интернете что-то заказала!

– Ты идиот?! Заказала – и не дождалась, уехала?! Что мне теперь делать? Мало того что мне машину повредили и сотрясение мозга устроили, так они теперь еще и адрес мой знают! – от собственного крика звенело в ушах, но Ника не могла сдерживаться, ее трясло.

– Так, все, хватит орать! Сядь и спокойно расскажи, что произошло!

Ника заметила, что даже на диван Артем ухитрился сесть так, чтобы злополучный букет оказался вне поля его зрения. «Неужели ревнует?» – поразила ее. Никогда прежде Артем даже намека себе не позволял на ревность, и порой Нике становилось даже обидно – неужели он настолько уверен в ней, что не допускает мысли о том, что ей может понравиться кто-то другой? Ирка, любимейшая подруга, называла Масленникова «собакой на сене» – мол, и не женится, но и не отпускает. Ника не обижалась – замуж она не хотела, но иногда ее начинала глотать обида, потому что в словах подруги была для правды. Выходило, что Артем полностью уверен в том, что она, Ника, никуда не денется и так и будут они существовать в необременительном статусе любовников. Пока ее устраивало такое положение вещей, но ведь рано или поздно захочется семьи, и что тогда? Сейчас, когда Артем так отреагировал на букет от Гавриленко, Никино самолюбие было слегка удовлетворено – хоть какие-то эмоции.

– Знаешь, о чем я подумал? Не вяжется как-то этот букет и нападение в переулке, – изрек Масленников, дослушав.

– Я и сама вижу. Но факт... Понимаешь, мне ведь конкретно обозначили, что и за что.

– Думаешь, Гавриленко такой идиот, что сперва послал к тебе человека с предупреждением, а потом курьера с цветами? Да и курьер-то раньше приехал.

– Н-да... не вяжется, – вздохнула Ника, подбирая ноги под плед.

– Я думаю, что ничего страшного пока не произошло. Машину я тебе почию, не проблема.

– Да? А голову тоже почишь? – язвительно спросила Ника. – А если этот хмырь не пошутит?

– Не думаю.

– Ну, ты еще скажи: «Сейчас не те времена!» – фыркнула она, дотягиваясь до чашки с остатками остывшего чая.

Артем промолчал. У Ники же остался какой-то странный осадочек от разговора – как будто ждала одного, а получила совершенно другое. Ей вдруг захотелось, чтобы Артем встал и уехал, оставил ее одну. Но он уже стянул майку, повесил ее аккуратно на спинку кресла, потянулся и вопросительно взглянул на Нику:

– Может, спать пойдем? Поздно уже, мне на работу завтра.

– Мне вроде тоже.

– Ты останешься дома. Во-первых, вид у тебя не очень, во-вторых, синяк кошмарный. Ничего не случится, если ты отлежишься.

– Но у меня статья о ценах на недвижимость в Испании...

– Ничего, обойдусь.

– Сам звездой на полосе ляжешь? Чем место заполнять будешь?

– Ника, хватит спорить, – решительно прервал Артем, – надо будет – лягу звездой. А ты завтра выспишься, отдохнешь, а статью про Испанию поставим через пару дней. Все, летучка окончена, идем спать.

Всю ночь Ника не могла уснуть. Раздражал Артем, спавший на второй половине кровати – на этом чувстве Стахова поймала себя впервые. Она несколько раз вставала, держась за отчаянно болевшую голову, шла в кухню, закуривала сигарету, наливала чай и сидела за столом, глядя в темное окно. К ее удивлению, в доме напротив тоже не спали. На четвертом этаже горел светильник, а на подоконнике сидела девушка с блокнотом в руках и что-то быстро-быстро писала. «Коллега», – усмехнулась Стахова, тоже любившая работать ночью. Девушка в окне напротив вдруг подняла голову, увидела наблюдавшую за ней Нику, и помахала рукой, Ника в ответ тоже махнула. Незнакомка спрыгнула с подоконника, и свет в ее окне через минуту погас.

В кухню вошел сонный и взлохмаченный Артем:

– Ты чего не спишь, Никуся? Голова болит?

– Да, – пробормотала она, гася сигарету.

– Вот что... завтра я к тебе доктора пришло. Есть у меня приятель как раз по этому профилю. Не возражай только, пожалуйста.

– Да не возражаю я, – вяло откликнулась Ника, – что ты командуешь сегодня, не на работе ведь...

Артем решительно взял ее за руку:

– Значит, завтра доктор, весь день в постели и никакой работы. А сейчас – спать.

До самого утра он обнимал ее и прижимал к себе, тихонько целуя в шею. Ника почти успокоилась и расслабилась, перестала думать о вечернем происшествии и даже о Гавриленко. Но уснула она только после того, как за Артемом закрылась входная дверь.

– Какого черта, а? Ну, какие еще цветы? Совсем он головой поехал, что ли?

– А я знаю? Что мне, за руку его водить постоянно? Он взрослый мужик!

– Твой взрослый мужик весь план мне сломал своими цветущими, идиот!

– погоди кипеть. Подумаешь – букет прислал! Ну понравилась телка, что с того?

– Телка?! Да будь это просто телка, я б и не пикнул! А у этой на нас такое досье, что я даже думать не хочу про это! Имей в виду: если что, я-то сольюсь, а вот ты по самые уши замазан, не отмоешься.

– Но-но, не грози мне! Если что, вместе хлебать станем, даже не надейся отвертеться. Я в пионеров-героев играть не стану, возраст не тот у меня!

– Тогда сделай так, чтобы мне никто больше не мешал. Это в твоих интересах.

Ника проснулась от звонка телефона и бросила взгляд на настенные часы. «Ну, кому там нейдется, а?» – недовольно подумала она и нашарила на тумбочке мобильный.

– А чего это голос у тебя сонный такой? Белый день на дворе, я думала, что ты рыскаешь по столице в поисках новостей! – раздался звонкий женский голос, и Ника мгновенно стряхнула остатки сна:

– Ирка! Ирка, ты откуда?

– Из спальни, – фыркнула подруга. – В Москве я.

– О-о-о, какое счастье! – Ника села и взъерошила волосы. – Ирка, как же я рада, если бы ты знала!

– Слушай, Стахова, ты меня пугаешь, – серьезно проговорила Ирина, – не припомню за тобой такой эмоциональности. С чего вдруг?

– Ты просто очень вовремя приехала, – призналась Ника.

– Чувствую, есть разговор. Тогда давай так. Насколько я понимаю, ты, бедолага, еще спишь? Ну, у меня тоже встреча через полчаса. Дел на час-полтора. Закончу – позвоню, а ты пока собирайся – душ, макияж, то-се. Поедем посидим где-нибудь.

– Отлично. Тогда я жду звонка.

– Да – машину не бери. Все, по второй линии звонит мой человек. Целую, созвонимся, – выпалила Ирина и отключилась.

Ника сунула телефон в карман халата и опустила ноги на коврик. То, что подруга приехала в Москву именно сейчас, показалось ей хорошим знаком. Да и выговориться действительно хотелось...

Ирина почти не изменилась со времени их последней встречи, только состригла пышные каштановые локоны, сделав модный «боб», невероятно ей шедший. Это сделало черты лица чуть более резкими, что никак не портило общего впечатления. Ирина излучала уверенность, какую-то внутреннюю свободу, характерную для человека, много лет живущего в Европе. Она по-прежнему просто, но с каким-то ненавязчивым шиком, одевалась, носила через плечо небольшую сумочку, улыбалась открыто и демонстрировала удовольствие от жизни. Спокой-

ная, дружелюбная владелица картинной галереи, у которой все хорошо и в работе, и в личной жизни...

Такого прекрасного вечера Ника не могла припомнить. Они с Ирккой сперва долго бродили по торговому центру, до тех пор пока в магазинах не начали опускаться жалюзи – время как-то незаметно подошло к десяти, потом ужинали в испанском ресторанчике, наслаждаясь паэльей и каталонским кремом. Ирина со смехом выбрала в чайной карте напиток с названием «Персик одинокого дракона», и Ника фыркнула:

– Господи! Ну, почему бы не заказать обычный «Эрл Грей», к примеру, а?

– Никуся, ты говоришь банальности, – очаровательно улыбнулась Ирина, заправляя за ухо каштановую прядь, – мы сидим с тобой в отличном месте, кругом почти ни души, спокойно, вкусно, уютно – ну, разве я не могу позволить себе маленькую шалость в виде чая с совершенно идиотским названием?

Официант, предупредительно склонившийся над ними с блокнотом в руках, обиженно поджал губы:

– Зря вы так. Чай на самом деле очень вкусный.

– Я в этом не сомневаюсь, – заверила Ирина, – поэтому и заказываю.

Официант не обманул, и напиток действительно оказался выше всяких похвал, как и тарта де альмендрас, миндальный пирог – в этом Ирина разбиралась, имея дом в Галисии и много лет живя на две страны. Уж с чем-с чем, а с тамошней кухней во всех ее проявлениях она была знакома.

– А поедем купим мне кроссовки, а? – вдруг сказала она, удивив Нику.

– С ума сошла? Двенадцать часов, все давно закрыто!

– Я знаю магазинчик, который круглосуточно работает. Спортивный, между прочим. – Загоревшаяся идеей подруга уже махала официанту и вытаскивала из кошелька кредитную карту.

– Ира, зачем тебе кроссовки в такое время?

– А я послезавтра в новый спортзал собираюсь, решила, пока здесь, – форму не терять, хватилась – а обуться мне не во что совершенно.

– Но ведь завтра еще целый день... И потом – что, в Праге закрылись все спортивные магазины? – пробовала отбиться Ника, которой уже хотелось домой, в постель, но тщетно – Ирина, одержимая какой-либо идеей, всегда становилась неуправляемой и глухой к чужим доводам.

Они вышли на улицу, в теплую июньскую ночь, и Ника в который раз с удивлением отметила, что после двенадцати жизнь не замирает, а словно активизируется – машин не намного меньше, чем днем, гуляют парочки и стайки подростков, всюю работают кафе и рестораны, и ни один не пустует.

Доехав на такси до Смоленской, девушки оказались прямо у двери большого спортивного магазина. Окна трех этажей призывно светились, красочные постеры словно призывали – ну, входите же, не стойте, окупитесь в прекрасный мир спорта! Ирина подмигнула подруге:

– Видишь? Что я говорила? Все работает. И народа явно в разы меньше.

Однако это оказалось не совсем так. Пока Ирина выбирала кроссовки, откидывая в сторону модель за моделью, Ника успела заметить, что посетителей хватает. «Странно, – подумала она, – неужели людям дня не хватает, чтобы отовариться шортами и футболками?»

Но больше всего ее поразила очередь к кассе... В половине первого ночи возле белокурой кассирши собралось человек восемь – и все терпеливо ждали, пока медленно поворачивающаяся девушка пробивала чек на покупки очередному клиенту.

– Сомнамбула какая-то, – недовольно буркнула Ирина после десятиминутного ожидания, в результате которого они не стали ближе к кассе ни на метр. – Девушка, мы бы вам были очень

признательны, если бы вы начали двигаться чуть быстрее, – обратилась она к кассиру и тут же услышала довольно бодрый ответ:

– Вот встаньте на мое место – и шевелитесь так, как вам угодно.

– Зачем? – удивленно вскинула брови Ирина. – Мне на своем месте отлично, и там я двигаюсь с предельной скоростью. Чего и вам желаю.

Ника фыркнула и отошла к стеллажам с инвентарем, машинально взяла в руки бейсбольную битую и усмехнулась: «Ну надо же... Не теннисную ракетку схватила – битую! Интересно, такую имел в виду тот прыщавый, когда говорил, что сломает мне пальцы?»

Настроение слегка испортилось – воспоминания о вчерашней встрече приятных эмоций не вызывали.

– Никогда не думала, что в Москве в час ночи можно намертво стоять в очереди к кассе! – не унималась Ирина, и ее звонкий голос был слышен по всему первому этажу магазина.

Ника же про себя подумала, что вот она лично никогда не подозревала, что можно так отчаянно захотеть купить кроссовки – в час ночи в Москве. Но такая уж у нее подруга...

Наконец, спустя полчаса ожидания, Ирина все-таки получила пакет с покупкой, и девушки, с облегчением вздохнув, покинули здание магазина.

– А давай по кофейку? – предложила Ирина, махнув рукой в сторону находившегося неподалеку кафе.

– Я – чай, – отказалась Ника, – если кофе сейчас выпью, то не усну до утра, а мне завтра на работу. И статью я планировала до обеда закончить, а то сдавать нечего будет.

– Столько объяснений – и все-то, чтобы отказаться от чашки кофе! – улыбнулась подруга, обнимая ее за плечи. – Ника, ты такая вроде с виду жесткая, а как заговоришь – ну просто мармеладки в сиропе!

– Устаю быть жесткой на работе, – призналась Ника, уткнувшись носом в шею Ирины, – там, знаешь, чуть слабину дашь, сразу сожрут. А у меня репутация...

Ирина решительно потянула подругу за собой ко входу в кафе, и Ника, не сопротивляясь, пошла. Она почувствовала потребность поговорить с кем-то, кто не осудит и не станет смотреть скептически. Ирину она знала сто лет – дружили еще с детского сада, вместе пережили многое, и даже когда Ирина, став довольно успешным искусствоведом, практически перебралась в Прагу и открыла там собственную галерею, они не потеряли связи и не стали общаться меньше – все-таки телефон и Интернет очень упростили жизнь. Других подруг у Ники с годами так и не появилось, коллеги в редакции смотрели на Стахову искоса и к тесному общению не стремились, особенно когда стало очевидным, что главред выделяет ее среди других журналистов и относится к ней немного иначе, чем к остальным. А вот Ирка оставалась неизменной, как куранты на Спасской башне.

Заказав ромашковый чай и чашку капучино, Ирина, словно подслушав тайные мысли подруги, удобно расположилась на диванчике и велела:

– Давай начинай. – И Ника даже слегка опешила:

– Что начинать?

– Ну ты же поплакаться хочешь, я чувствую. Так не тяни, начинай.

Ника помолчала пару минут, не совсем понимая, что именно хочет выплеснуть сейчас на приготовившуюся слушать Ирку.

– Понимаешь... я тут влезла в одно дело... Даже не дело... Скорее, расследование журналистское затеяла. А там...

– ...офигенного качества мужичок, – довольным тоном закончила фразу Ирина, – и теперь тебя разрывает. С одной стороны, ты явно что-то накопила, о чем у тебя чешутся руки написать, а с другой – ты не знаешь, как сделать так, чтобы этот товарищ не пострадал, да?

Ника виновато кивнула. Эти мысли вот уже несколько дней не давали ей спокойно спать. То, что она узнала о Максиме Гавриленко и его махинациях с застройкой в историческом цен-

тре, тянуло на «бомбу», от взрыва которой много чего могло случиться. Но личность самого владельца «Изумрудного города» заинтриговала ее настолько, что Ника растерялась. Максим показался ей неплохим человеком, просто слишком уж поглощенным своим бизнесом и готовым ради него на все. Как связать эту готовность с понятием «неплохой человек», Стахова не знала. И еще ей почему-то постоянно вспоминался его взгляд, устремленный в большое окно офиса. Максим смотрел на распростертый буквально у его ног город с видом собственника, хозяина, пытающегося облагородить его облик, привнести в патриархальную архитектуру что-то свое, новое и свежее. Ника понимала, что своей стройкой Гавриленко ощутимо нарушил уклад старых улочек центра, уничтожил что-то, делавшее их притягательными и уютными. Как будто убил дух этого места. Но почему-то у нее все равно не поднималась рука открыть файл с заметками и набросками и приняться обличать и уличать. Раньше подобного с ней не случилось. Да и Артем здорово испортил все, когда сам переписал Никину статью.

– Не знаю, Ир, – вздохнула она, уставившись в наугад раскрытое меню, – я не могу понять, что случилось. То есть умом я понимаю, что там и безумные взятки, и шантаж, и подкуп, и угрозы – а вот не вяжется у меня все это в голове с владельцем. Ну не верю я, что он способен... хотя все факты говорят об обратном. Но вот внутри меня что-то тормозит.

Ирина придирчиво наблюдала за тем, как официант расставляет на столе их заказ и, казалось, была поглощена только этим. Однако, когда парень отошел, она, обхватив пальцами толстенную кружку, проговорила:

– А ты не влюбилась, Никуся?

– Да ну, бред! – Ника почувствовала себя почти оскорбленной. – У меня есть Артем, и с ним никто не выдерживает никакого сравнения. Да, он не фантастический миллионер, не мечта юных нимфеток, но мне с ним хорошо, легко и спокойно.

– А не в этом ли кроется весь тайный смысл, а? – лукаво глянув на подругу, спросила Ирина. – Не в том ли, что тебе с ним спокойно? А на самом деле хочется, чтобы все клубилось и бурлило.

– Ты меня разучилась понимать, – вздохнула Ника, наливая чай в чашку, – вспомни все мои романы – ну с кем у меня «клубилось и бурлило», а? Я всегда выбирала мужчин спокойных, надежных и целеустремленных, а не тех шалопаев, что вечно клеились к тебе.

– А Яблоков? Он же всегда был шутком и клоуном.

– Это была видимость, маска, – опровергла Ника, – это он для вас таким был, потому что вы его только таким и хотели видеть. А наедине со мной он становился собой. Читал стихи, книжки умные притаскивал, философствовал. Вы же ему не позволяли этого делать, он вам был интересен только как Игорешка-прибаутка!

Ирина слегка покраснела – это прозвище именно она дала Никиному ухажеру, едва только он появился в их сплоченной школьной еще компании, и с тех пор оно к нему прилипло. Игорь был для Никиных одноклассников кем-то вроде придворного шута, рассказывал анекдоты, травил байки, беспрестанно кого-то разыгрывал и балагурил. Когда Игорь появлялся в компании, все вокруг него превращалось в цирк и балаган, с ним было весело, и именно за это друзья Ники его полюбили и приняли. Даже когда у них с Никой все закончилось, Игорь продолжал общаться со всеми как ни в чем не бывало. Его даже жалели тихонько – не понимали, как могла Стахова променять такого весельчака на сухаря-преподавателя.

– Ладно, Никусь, проехали, – примирительно попросила Ирина, – даже не знаю, к чему я это. А если ты сомневаешься, так, может, не стоит вообще браться?

Ника помолчала, покручивая чашку на блюде. Ей приходила в голову мысль бросить все и переключиться на что-то другое, не думать больше ни о каком Гавриленко, и пусть Артем сам пишет эти статьи, и даже пусть подписывает ее именем, но внутри что-то скребло – мол, как так? Неужели бросишь все, когда до финиша остался малюсенький рывочек? Ведь интересно же, кто на самом деле стоит за этими статьями, потому что вряд ли Артем сам рискнул бы. Да

и жаль было потраченного времени, сил, бессонных ночей. И вчерашний разговор... Ника не особенно верила в угрозы, но кто знает, как далеко все зашло на самом деле? Уж если к ней прислали «гонца», то наверняка все обстоит очень серьезно. Видимо, они с Масленниковым сунули нос туда, куда не следовало. Собственно, и вины-то ее в произошедшем не было – она писала совершенно другую статью, в которой ни слова не было о криминале. И подтолкнул ее к этому, как ни странно, Артем – такой надежный и замечательный, как она совсем недавно убеждала Ирину. Подтолкнул – а разделить с ней неприятности, а тем более защитить не захотел. Но говорить об этом подруге Ника почему-то не стала...

Что-то сломалось. Ника чувствовала это уже несколько дней. Между ними с Артемом что-то произошло, вдруг стало очень трудно общаться. Она всеми способами старалась избежать этого общения, не брала трубку, не отвечала на эсмэски, не читала писем. Если Масленников вызывал ее в кабинет, Ника тут же придумывала какое-нибудь срочное дело, требующее немедленно отлучиться из офиса. Она понимала, что вечно это не продлится, и игра в прятки рано или поздно закончится. Так и случилось. В пятницу вечером Масленников просто взял ее за руку и решительно уволок в машину:

– Белочка, что происходит? Ты стала избегать меня. Причина? – жестко спросил он, заблокировав двери и развернув Нику к себе лицом.

– Не знаю... – попробовала уклониться Стахова. – Настроения нет, наверное.

Артем завел двигатель:

– Я не хочу разговаривать об этом вот так, в машине. Едем к тебе, ты переоденешься и возьмешь все необходимое, рванем на дачу. Два выходных – нас никто не будет тревожить.

Ника не хотела на дачу, понимая, что там ей придется что-то говорить, как-то общаться, а сил на это не было. Как не было и желания. Но сопротивляться оказалось еще сложнее, это требовало жесткости, а Ника чувствовала, что ее запас кончился.

Она покорно поднялась в квартиру, сопровождаемая Артемом. «Как под конвоем», – усмехнулась про себя, доставая ключи. Переодевшись в старые джинсы и на всякий случай в теплую куртку, сунула в карман немного наличных, кредитку и телефон, решив не брать сумку.

– Ну, поехали, – устало проговорила Ника, засовывая ноги в старенькие кроссовки, которые никак не решалась выбросить.

Молчание в машине угнетало, лицо Артема было мрачным и каким-то растерянным, он сжимал пальцами оплетку руля и шурился, глядя вдаль.

«О чем он думает? – пронеслось у Ники. – Он так редко говорит мне о чувствах, практически никогда. Да, я сама говорила – мне не нужны твои словесные излияния, любовь должна проявляться в действиях и прочая ерунда. Но неужели он, взрослый, умный, не понимает, что я обычная баба, которой хочется иногда всей этой розовой мишуры с рюшками, бантиками и сердечками на пошлый День святого Валентина? Неужели это так сложно?»

В доме было темно и как-то сыро, хотя в прошлые выходные Артем приезжал сюда. Ника привычно сняла куртку, сунула ноги в огромные тапки Артема, в которых всегда ходила здесь, и прошла в кухню. Масленников сразу начал возиться с камином, растапливая его, потом поднялся вверх и включил в спальне обогреватель. Ника разбирала продукты, купленные по дороге в супермаркете. Она не очень понимала, зачем делает это – просто потому, что так делала всегда, в каждый приезд? Потому, что у них так было заведено? Артем разжигает камин, она идет в кухню... Как трамваи по рельсам – у каждого свой путь. «Так и движемся параллельно, – вдруг поняла Стахова, распаковывая куриное филе, – кажется, что вместе, а по сути – параллельно. И не пересечемся, наверное, уже никогда».

Артем спустился из спальни, подошел к Нике и крепко обнял ее сзади за талию. В этом жесте ей почудилось напряжение и какая-то даже неуверенность, как будто Масленников боялся, что разомкнет объятия – и Ника исчезнет.

– Боишься не удержать? – тихо спросила она.

Артем чмокнул ее в макушку:

– Не боюсь. Удержу.

– Не замечала, что ты такой самоуверенный.

– Ника, прекрати. Ты мой родной человек. А родных не держат – они сами никуда не стремятся.

– Родной человек – это тот, без которого умираешь, если день не виделся. Если тебе вдруг показалось, что как раз в этот день в его жизни что-то важное происходило, а тебя рядом не было, понимаешь? А я живу без тебя, Артем. И мне небольно, нестрашно, я не умираю. Ну, видимо, могут все обойтись без всех. Я – могу без тебя.

– А я без тебя – нет, – угрюмо сказал Масленников, отпустил ее и отвернулся к окну, тяжело схватившись за подоконник.

Ника почувствовала себя неуютно и холодно, как будто Артем превратился в Морозко из сказки и все кругом выстудил. И ее, Нику, тоже выстудил – изнутри. Обхватив себя за плечи, она сделала пару шагов к двери, чувствуя, как вдруг изменилась даже осанка, сгорбились плечи, походка стала тяжелой и чужой. Расставаться – больно. Всегда больно. Но особенно больно тогда, когда еще не все сказано, не все пройдено вместе. Когда нет неприязни, ссор, обид. Уцепиться не за что. Но ты все равно понимаешь, что это *нужно* сделать. Сделать именно сейчас, пока еще не опротивели друг другу, пока можно остаться в нормальных отношениях, хотя бы в рабочих. Пока еще нет за плечами груза взаимных обид и оскорблений. Расстаться, пока все хорошо. И это оказалось больше, чем думала Ника.

– Не уходи так, – попросил Масленников, но Ника вдруг рванулась и выбежала из комнаты, схватила с вешалки в прихожей куртку и выскочила из дома.

К счастью, вместо сумки она сегодня воспользовалась объемными карманами, поэтому и деньги были, и бежать ничего не мешало. Ника хорошо ориентировалась в поселке, быстро добралась до остановки маршрутных такси и как раз успела на последнее. В такой час уже никто из поселка не выезжал, поэтому в попутчиках оказалась только молодая парочка с карликовым пинчером. Собака в пятнистом комбинезоне примостилась на коленях девушки, но при этом не спускала влюбленного взгляда с хозяина – спортивного парня в бело-голубом костюме и таких же кроссовках. «У них хоть кто-то есть, – вдруг с завистью подумала Ника, поглубже засовывая руки в рукава куртки, – а у меня теперь – никого. Я осталась одна со своими проблемами. Но, может, так лучше? Артем все равно не рвался их решать».

Выходные Ника провела так, как мечтала уже несколько лет – не вылезая из-под пледа и не отрываясь от телевизора. Разумеется, она не интересовалась сериалами и разнообразными реалити-шоу, которыми изобиловала программа практически всех каналов, зато у нее имелась неплохая коллекция советских фильмов на дисках, которые Ника с любовью и трепетом собирала несколько лет. Эти фильмы почему-то дарили ей покой и умиротворение, а красивые лица и талантливая игра старых актеров мирила со всеми неприятностями. Даже тот факт, что Масленников ни разу не позвонил ей и не узнал, как вообще она добралась домой, Нику особенно не расстраивал – куда сильнее ее волновал, например, любовный треугольник Васи, Надюхи и Раисы Захаровны из комедии «Любовь и голуби». К собственному удивлению Ника вдруг осознала, что не испытывает тоски по Артему, как бывало прежде, если по какой-то причине они проводили выходные порознь. Ей словно бы даже стало легче...

Когда в воскресенье вечером Стахова совершала очередную вылазку к холодильнику, мобильный все-таки залился трелью, но это оказался вовсе не Масленников. Нажав кнопку ответа, она услышала голос Максима и даже опешила слегка.

– Я не оторвал вас от важных дел? – Ей даже показалось, что она видит, как Максим улыбается, чуть склонив голову к правому плечу.

– Разве что от тарелки творога с джемом, – уронив ее на пол, развеселилась отчего-то Ника. Бело-оранжевое пятно, украшенное вкраплениями голубых и желтых осколков, расплзлось у ее ног.

– О, я страшно виноват, прошу простить меня! – притворно испугался Гавриленко. – Может быть, вы позволите мне как-то компенсировать утрату? Я не уверен, что в Москве есть места, в которых подают столь экзотическое блюдо, но попросить-то можно...

– Это вы так витиевато пытаетесь завуалировать приглашение в ресторан, Максим Алексеевич? – Ника совсем не чувствовала раздражения, наоборот, ей вдруг очень захотелось пойти с ним куда-нибудь, просто вспомнить, что это такое – ужин с новым мужчиной, пусть даже и не интересующим ее.

– Вы меня рассекретили, Вероника! Так как – принимается?

– А принимается, – решительно заявила Стахова. – Но мне нужен час, чтобы собраться.

– Вы необыкновенная женщина. Обычно на сборы уходит полдня, – заметил Гавриленко.

– Вам повезло – я вообще уникальна, – заверила она.

В ответ раздался смех, и Ника почувствовала, что ей почему-то легко с этим человеком, как будто они знакомы много лет. К ее удивлению, Гавриленко спросил улицу и номер дома, и это в свете произошедших событий выглядело совсем уж странным. «Не вяжется что-то у меня, – подумала она, положив трубку и направляясь в ванную. – Если это от него гонец приходил, так не мог Гавриленко улицу не знать. Ладно, не буду пока об этом – и вообще с ним об этом не буду, посмотрю, как поведет себя».

Откровения этого вечера не ограничились только незнанием адреса. Гавриленко приехал за рулем довольно потрепанного «БМВ» темно-синего цвета. Автомобиль оказался не последней модели, без новомодных наворотов и блатных номерных знаков. Сам же водитель, вышедший из машины, совершенно не походил на того Максима Гавриленко, с которым Ника говорила в его офисе. Одет он был просто, без шика и излишней дороговизны, в самый обычный светло-серый свитер и потертые джинсы, и Ника похвалила себя за то, что тоже решила не наряжаться, а выбрала любимое темно-зеленое платье с неярким узором из тонких листьев папоротника. Вечер выдался теплым, и Стахова не стала надевать плащ, ограничившись мягкой кашемировой шалью, небрежно наброшенной на плечи.

– Вы прекрасно выглядите в платье, – с ноткой восхищения проговорил Гавриленко и вдруг смутился, как подросток: – Простите, я, кажется, ляпнул бестактную глупость...

– Ну что вы, – улыбнулась Ника, останавливаясь у машины, – я привыкла, что окружающие считают меня огромной и способной носить только брюки. Я давно не комплекую по этому поводу.

– Вы просто умница, Ника! А я вот до сих пор не могу отвыкнуть сутулить плечи, – признался Гавриленко, открывая дверцу и помогая Нике сесть. – Я же так вымахал еще в шестом классе, говорили, что это какая-то патология, лечить даже пытались, но потом как-то выровнялось все, а привычка сутулиться так и осталась.

– Попросите кого-то из охраны щипать вас за бок, – хохотнула Ника, и Максим тоже рассмеялся:

– Я обхожусь без охраны, терпеть не могу этих демонстративных понтов. Никакая самая обученная охрана не поможет, если кому-то придет в голову убрать меня. Да и делается это сейчас совершенно иными способами. Цивилизованными, так сказать.

«А не намекаешь ли ты на то, что с помощью СМИ, например, так легко уничтожить человека, что и на пули тратиться не придется?» – подумала Ника, наблюдая за тем, как уверенно Максим ведет машину и как легко ориентируется в довольно запутанной системе переулков с односторонним движением.

– Вы не спросили, куда я вас везу, – заметил Гавриленко спустя несколько минут. – Не бойтесь?

Ника пожала плечами:

– Мне кажется, у вас нет повода желать мне неприятностей. Я привыкла доверять людям, с которыми работаю и общаюсь.

Гавриленко удовлетворенно кивнул. Нике показалось, что именно такого ответа он и ожидал, а не того, что она начнет кокетничать в стиле «мужчина, я вас боюсь». Хотя что-то внутри тихо нашептывало: «А зря, нужно бы если не бояться, то хотя бы опасаться, все-таки непонятный он какой-то». Но Стахова крайне редко меняла свои решения и если уж села в машину, то теперь выйдет из нее только там, куда привезут.

Гавриленко привез ее в небольшое кафе, где почти не было народа, несмотря на вечер воскресенья, вкусно пахло свежеиспеченным хлебом, а большие «деревенские» столы создавали совершенно неповторимую атмосферу.

– Вы ведь хотели творог, – ответил Максим на немой вопрос, застывший в глазах Ники, – ну, так в этом заведении он такой, что вы забудете обо всем на свете.

Но во время ужина Ника поймала себя на том, что совершенно не ощущает вкуса блюд, которые как-то совсем незаметно приносила официантка. Гавриленко как будто прорвало – он говорил и говорил, рассказывал о своем детстве, о годах учебы, о том, как он служил в армии, не воспользовавшись связями матери и отца в медицинском мире. Ника слушала и жалела, что не может записать этот монолог на диктофон – получилась бы прекрасная «портретная» статья. Но потом одернула себя – вот так устроила себе отдых, даже здесь, наедине с импозантным, интересным мужчиной думает о работе. Тряхнув головой, она спросила:

– Вы все время говорите о матери. А отец? Помните, вы обещали мне рассказать о двух своих отцах...

По лицу Максима пробежала тень, он обхватил белую толстостенную кружку, над которой поднимался пар от горячего молока, и пробормотал:

– Может, в другой раз? Сегодня как-то...

– Простите, – смутилась Ника, поняв, что эта тема является весьма болезненной для Гавриленко.

– Вы не хотите пройтись, Ника? – вдруг спросил он. – Прогуляться немного, тут недалеко отличный бульвар... Я в детстве очень любил там гулять.

– Я не против.

...Дома, лежа в кровати с включенным ночником, Ника перебирала в памяти детали прогулки и так и не могла понять, что это было. Искренность Максима не вызывала сомнений, она чувствовала, что ему на самом деле было приятно провести с ней вечер. И совершенно нелепой казалась на фоне всего этого мысль о том, что Гавриленко мог запросто отправить к ней того «ночного гонца».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.